

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

РЕЗЕРВИСТ

Владимир Стрельников

Резервист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68456110

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда хоронишь последнего из родственников, это очень грустно. Но, может быть, это начало нового пути твоего рода? Даже если для этого придется переселиться в новый мир! Мир, где нормальные люди горой стоят друг за друга, невзирая на национальность или цвет кожи. Где слово «свобода» и слово «смелость» идут плечо в плечо, вооружившись автоматами Калашникова. И не важно, что много тяжелой работы и опасность подстерегает повсюду. Потому что умелые и мозолистые руки одинаково легко управляются со слесарным инструментом и с пистолетом. Потому что готов насмерть защищать то, что тебе дорого. Потому что ты любишь и тебя любя

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Глава 3	92
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Владимир Стрельников

Резервист

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

23 октября 2005 года, Ташкент

Поздняя осень в Ташкенте. Звучит красиво, правда? И выглядит тоже очень красиво. И очень депрессивно. Большой город, омытый дождями от летней пыли и зноя, тяжелые серые тучи, уходящие на восток, к горам – отрогам Чимгана, которые прекрасно видны с верхних этажей зданий, особенно из домов, построенных на холмах. Воздух наисвежайший, с запахом йода, идущим от палых листьев среднеазиатских орешин. Огромные лужи на асфальте, которые разбрызгивают проезжающие машины. Голые, качающиеся под ветром ветки деревьев. Огромные стаи ворон, летающие над городом. Падающие по утрам на тротуары последние вызревшие орехи.

И я – один, уже не в своем доме. Сижу печально впотьмах и грустно смотрю на серую машину, вездеходный грузовичок Горьковского завода «Егерь» на сером мокром асфальте двора. Теперь это все мое имущество. В «Егеря» загружены кое-какие бытовые машины, пара кондиционеров, холодильник, два телевизора и компьютер. Пара ковров. Куча металлообрабатывающего инструмента, целая тонна всяких полезных в производстве железок (весьма недешевых, кстати), благо они места почти не занимают. Кабина набита мягкой рухлядью – одеждой, одеялами. Короче, забита машина под завяз-

ку. Жду вербовщика, который должен меня проводить.

А началось все хоть и печально, но буднично. После похорон деда в семейной могиле на Боткинском кладбище на сороковинах ко мне подошел сосед. Узбек уже пенсионных лет, офицер Службы национальной безопасности в отставке. Причем в довольно большом чине – полковник.

– Володь, нам с тобой поговорить нужно. Насчет дома. Завтра я подъеду, хорошо?

– Хорошо, Анвар Шарипович. Буду ждать. Правда, сами знаете, как у нас наследство оформляется, через пень-колоду.

Потом я проводил соседей, помог двум оставшимся старушкам из немногих русских убрать посуду, с помощью двух соседских парней загрузил в махаллинский зиллок столы и скамьи, сел и задумался.

Крепко задумался. Я остался один как перст. В буквальном смысле этого слова. Нет, конечно, работа, знакомые, а порой и девушки в моей жизни присутствовали, но, что называется, не очень рядом. Была одна девчонка, которая до сих пор иногда снится, но она уехала с родными три года назад и пропала. После ее исчезновения у меня до сих пор легкая депрессия, и короткие лямурчики не помогают. Дед мне говорил, что я не от мира сего. Порой ругал, порой смеялся. Мол, три десятка проходит, а в голове не ветер, а вакуум.

Старый уже был дед. Чего только не прошел. Раскулачивание его застало двенадцатилетним пацаном, из их избы в

конце ноября вынесли все, даже одежду, оставили в исподнем, обрекли его и прабабушку на голодную смерть. Или холодную, это как посмотреть. Дрова-то тоже вынесли до последней щепки. Выручила прапрабабка, у которой они провели эту страшную зиму. Потом перебрались в город, потом прабабушка заболела малярией, и доктор посоветовал переехать в Среднюю Азию. Из Ташкента дед ушел сначала на срочную службу, потом стал кадровым воякой, а потом началась война. Воевал от звонка до звонка. Демобилизовался уже в Маньчжурии. После войны вернулся, женился, построил этот самый дом – тогда он стоял на окраине города, а теперь почти в центре.

И все же, если задуматься, даже самому как-то не верится, что я влез в эту авантюру. Вроде совсем не авантюрист. Обычный рабочий парень. Хотя... узнать до конца свою душу – на это много времени надо. В общем, началось все так. В девяностые, когда русские массово хлынули в Россию, цены на дома упали до смешного. Да и не собирались мы тогда никуда, жили и работали. Частью огород выручал, сад, курятник. Но постепенно русские практически перестали уезжать – просто потому, что их осталось очень мало. И цены медленно, но верно поползли вверх. А на такие дома, как наш, особенно. Дом у нас большой, на участке с хорошим виноградником и садом. Тихое и спокойное место, чужих людей почти не бывает. Говорят, в Подмосковье есть такие места, где строятся новые русские, есть и старые дома со стары-

ми хозяевами. Так и здесь. Большой дом почти в центре Ташкента. Довольно дорогой, прямо скажем. Что с ним делать, ума не мог приложить. Продать-то продам, вон через улицу семья узбеков женила старшего сына, предложили сто двадцать тысяч американских долларов. Но это где-то четвертая часть цены, кроме того, предложили наличку, то есть явно большая часть денег окажется фальшивками. Иначе чем объяснить, что соседи ни в какую не хотели переводить деньги на счет? Мол, налоговая и прочее... Под дурачка косили. Так что фальшивок могло быть и больше.

Утром, ровно в девять, к дому подъехал «Москвич-412» Анвара Шариповича. Своей старой машиной и очень-очень крутым номером, а порой и синей мигалкой на крыше он испытывал нервы многих богатых узбеков. Старый садист. Но к деду полковник относился неплохо, можно сказать, дружили.

Заведя гостя в дом и напоив чаем (Узбекистан все же, традиции!), я спросил у отставника:

– Анвар Шарипович, что вы хотели мне сказать?

– Володя, я слышал, тебе Мансур предлагает дом продать.

Ты как, решил?

– Нет, ему я продавать не буду. По крайней мере, пока.

– А что не так? – с любопытством посмотрел на меня узбек.

– Анвар Шарипович, вы же знаете стоимость одной сотки земли в нашей махалле? Сто тысяч американских долларов.

А он предлагает за дом и участок сто двадцать, причем налом. Я же не совсем идиот, понимаю, что из этого нала половина на растопку годится. – Мне только и оставалось, что неодобрительно покачать головой.

– А если я тебе предложу двести тысяч, но на одном условии? – поинтересовался узбек. – Смотрю, ты налом не хочешь? Есть карточка, куда можно положить деньги? – Я кивнул. – Только давай так, неси ее сюда. Потом продолжим разговор.

Заинтересованный, я встал и принес свою карту «Банк оф Америка».

– Ты знаешь, мой отец и твой дед первыми построили дома в этой махалле после войны? Хорошее было время... – Старый узбек мечтательно прищурился. – Но довольно страшное. Они и работали в одном управлении «Строймонтаж», мой отец главным инженером, твой дед бригадиром строителей.

Однажды при отсыпке земляного полотна произошел оползень. Погибли люди, потеряли технику. Отца арестовали. Но твой дед поднял парторга, и они вдвоем дошли до первого секретаря ЦК компартии Узбекистана. И головой поручились, что мой отец сделал все правильно. Просто произошел неизбежный при прокладке дорог в горной местности оползень осадочных пород. Отца отпустили, восстановили в должности, просто перевели на другой участок. Это не было исключением, такое частенько случалось, потому что

тогда бывшие фронтовики еще помнили, что такое фронтовое братство. Это позже начались отношения под названием «человек человеку волк». Так вот, я еще с твоим дедом об этом говорил. Но он пожелал умереть здесь. А про тебя сказал, что ты, наверное, согласишься. – Узбек отпил чаю, задумался. – Ты объясни, почему до сих пор не уехал в Россию? – Анвар Шарипович посмотрел на меня поверх пиалы.

– Сложно сказать. Может, не хочу быть беженцем. Я думал, что, возможно, перееду в Беларусь. Хотя и там нас тоже называют беженцами.

– А хочешь стать эмигрантом? Одним из миллионов?

– Анвар Шарипович, вы так шутите или издеваетесь? Вы же сами мне рекомендацию писали в Ташпогранотряд. Я теперь до конца жизни «злбный гебист»! Как посмотрят в США, Канаде или Австралии на мой военник, так сразу дадут от ворот поворот! – Я грустно усмехнулся.

Вообще проблема переезда из бывшей российской даже не колонии, а губернии оказалась очень сложной. Настолько, что даже относительно молодые мужики зарабатывали инфаркт и помирали. «Беженцы», «тунеядцы», «рвачи» – это одни из самых ласковых эпитетов, которыми награждали возвращенцев в России. Мол, погнались за длинным рублем, а «мы здесь родились и здесь пригодились». И травили беженцев не только словесно, порой поджигали реально отстроенные из старых заброшенных родительских избышек дома. А ведь многих в республики просто отправило госу-

дарство – распределило после институтов или техникумов осваивать «голодную степь», строить металлургические комбинаты, добывать в пустынях и предгорьях редкоземельные металлы. А потом люди просто попали «под раздачу». Терпеть не могу Каримова за то, что он говорит о «семидесяти годах угнетения», но при нем хоть русских не резали. Наоборот, за попытку разжигания национальной розни грозила расстрельная статья. Правда, это происходило отчасти из-за того, что Каримов боялся ваххабитов, для которых русские были целью номер один.

Узбек усмехнулся. Покачал головой.

– Нет, Володя. Не Канада и не Австралия. Есть новый мир. Не делай недоуменное лицо, ты прекрасно понял, о чем я. Ты фантастику обожаешь, ведь так? Так вот, лет двадцать назад был открыт новый мир. Случайно, при каком-то эксперименте. Мир очень далекий, но люди там живут нормально. Без скафандров и масок. Атмосфера почти такая же, как здесь. Даже мясо тамошних животных прекрасно усваивается человеком. Мир этот держат в тайне, чтобы не вызывать ажиотаж. И чтобы исключить массовое заселение. Даже правительства, по крайней мере официально, ничего о нем не знают. Владеет этим миром, или, правильней, заселяет его, Орден. Проходят туда через Ворота, какая-то телепортация, что ли. И только в одну сторону. Оттуда есть только связь, но редкая и дорогая. Ворота разбросаны по всей Земле, но управляют ими оттуда, чтобы исключить захват здесь.

С собой можно взять много вещей, какие считаешь нужными. Можно взять с собой машину – максимум две, больше на платформу не залезет. За все остальное надо платить, и много. Кстати, твое переселение профинансирует пара русских семей с окраин Узбекистана, а стоимость недвижимости *там* на окраинах крайне низкая.

Ворота в Ташкенте настроены на мусульманские земли, поэтому русских мы отправляем через Новосибирск. Правда, в связи с последними событиями в Андижане это стало посложнее, но ненамного. Просто не сумеешь воспользоваться железной дорогой из Ташкента: все вокзалы активно проверяются. С окраин-то нет, а вот из Ташкента просто так не выехать. Но не везде. Есть дырочки. Поедешь на машине. Мы тебя выведем за границу Узбекистана, получишь навигатор с заложенной в него дорогой, на границе Казахстана и России тебя встретят, помогут добраться в Новосибирск, доведут до Ворот. Путь по Казахстану займет три-четыре дня, сутки или чуть меньше суток придется добираться по России, и ты окажешься в Новом Мире. Не переживай, процесс отлажен до мелочей.

Если согласен, то я закидываю деньги на эту карту, даю три дня на сборы. Купишь себе машину, одежду. Возьмешь свои ружья – и вперед. Приедешь в Новосибирск, там встретят, проведут на ту сторону. А на той стороне, если возникнет такое желание, еще себе оружие возьмешь, какое хочешь. На этот счет там никаких ограничений нет, кроме финансо-

вых. Ответь через десять минут, я жду. Обманывать тебя я не стану. Хоть Аллахом не поклянусь, но поклянусь памятью отца. Сам знаешь, у узбеков это не менее важная клятва. – Анвар Шарипович налил еще чаю.

Да, я это знал. Знал и то, что они не любят ее давать, так как если клятва мусульманина, данная иноверцу, необязательна для исполнения, то клятва памятью отца обязательна. Узбеки, как и русские, сохранили часть языческих верований. Например, у них широко распространен обряд, который называется «худойи» – жертвоприношение. И память предков они очень чтят.

Но новый мир... Признаться, меня ошарашили. Тут и горе, и голова пухнет из-за этого наследства, да и на самом деле проблема трудноразрешимая. И тут на тебе, как пыльным мешком по голове ударили. Впрочем, если это правда, нет никаких проблем. Здесь меня ничего не держит. Я вырос в Азии, но русский по крови и по духу. Хоть и замечал в себе множество отличий от знакомых, которые выросли в России. Нет, так все нормально, но вот мелочи... Не зря говорят, что «нечистый» кроется в мелочах. А тут все придется начинать заново, и не очень поздно. Ну двадцать восемь – самый возраст.

И ведь вот в чем дело, если меня решили кинуть, то сопротивляться будет очень тяжело, почти невозможно. Хотя как раз Анвар Шарипович в этом никак не может быть замешан, об этом все знали бы. Тут, в махалле, очень тяжело

сохранить тайну о своих занятиях. Есть тройка рейдеров, их знают, хоть никто и не говорит об этом. Пока узбек не трогает людей в своей махалле, она его поддерживает.

– Ну как, Володя, согласен? Время вышло.

А, была не была! Чур меня! Тем более что тотальные проверки меня как русского в метро и на улицах, несмотря на паспорт гражданина Узбекистана, не просто достали, а задолбали. А однажды с охоты ехал с ружьем, так сутки в околотке продержали, до понедельника. Думал, уже все, пропал, что-нибудь нарисуют. Но выпустили, извинились. Напоролся на отряд из Самарканда, а они всех от греха подальше гребли.

– Согласен, Анвар Шарипович! Перечисляйте деньги. – Я встал и достал из серванта графин с виноградным самогоном, который настаивался в дубовой бочонке у нас в погребе. Налил пару рюмок, поставил на стол вазу с поздним виноградом. Его грозди у нас на веранде подвешены к потолку.

Пожилой узбек усмехнулся, надел очки на нос, поднес карту поближе, достал мобильник, произнес в телефон:

– Хоп, кеты. Туккиз, туккиз, бир, икки, нол, нол, олти, нол, етти, саккиз, нол, нол, йигирма. Икки юз минг бакслар (для тех, кто не понимает по-узбекски, переводу: это он читал номер счета – 99120060780020. А двести тысяч баксов – сумма перевода). – Анвар Шарипович отключил мобильник. Положил телефон на стол. Через пять минут мой мобильный коротко прогудел виброзвоном. СМС пришла.

«Пополнение счета. Успешно. На счету двести тысяч пятьсот пятьдесят долларов США». – Я вытер рукавом вспотевший лоб. Вот это да!

– Все, Володя, у тебя трое суток, не считая сегодняшнего дня. В четверг в четыре утра я за тобой зайду, покажу дорогу и отправлю. Документы и ключи от дома отдашь, когда выведу за границу. Машину не регистрируй, так проведем до Ворот. И вот еще что. Там нет связи со здешними банками, а проблему с валютой ты знаешь. Поэтому тем, кто переселяется отсюда, можно купить золото возле наших Ворот. Слитками Сбербанка России. На сто тысяч долларов. По цене четыре грамма за сотню долларов. Это, конечно, грабеж, золото стоит как минимум пять грамм за сотню, но иначе никак не получается. Сам знаешь, где живем. Не подмажешь – не поедешь.

И еще. Это только потому, что я тебя давно знаю, и наши психологи тебя проверяли. Там, в Барса-Кельмес (с узбекского переводится «пойдешь – не вернешься»), так называют этот мир у нас, очень ценят оружие, электронику, инструменты. Ищи, иначе здорово потеряешь в деньгах. Курс к доллару в том мире совсем маленький – три целых три десятых. Да ты и сам понимаешь, примерно половина тех купюр, которые ты купишь здесь, там пойдут на растопку. Учти, этого я тебе не говорил, нигде не обмолвись. – Анвар Шарипович выпил рюмку, бросил виноградину в рот.

– А какой там климат, сколько народа и как живут? Что

он вообще из себя представляет, этот Новый Мир? К чему готовиться?

– Ну, я толком ничего не знаю. – Узбек показал на свою рюмку. Я налил еще по одной. Еще бы, бабушкина самогонка не хуже французских коньяков, как знающие люди говорят. Чокнулись, выпили. – Так вот, о нем мало что известно. Знаю только, что там жарко, как у нас, зима еще теплее, только дожди и ветер. Народу там живет миллиона два-три землян, собраны со всего света. Из России, из Америки. В общем, живут люди. Просто дороги плохие, транспорт в основном автомобильный, города маленькие. Но и самолеты есть, и морской транспорт. Как у нас в девятнадцатом веке приблизительно. И нравы, говорят, похожи. Паспортов нет, виз нет. Езжай куда хочешь. Ладно, пора мне. Собирайся. Возникнут проблемы, даже маленькие, сразу звони. Только с оружием и наркотиками не связывайся и не убей никого. По крайней мере, не попадись на этом.

Так я стал богаче на двести тысяч американских долларов. Виртуально, по крайней мере. Если честно, никак этого не ощутил. Никогда у меня не водилось очень больших денег, не почувствовал их вкуса и сейчас. Да и запросы всегда были очень скромные.

Проводив гостя, я занялся сборами. Первым делом прошел в городское отделение банка и проверил наличие средств на счете. И когда реально увидел сумму, руки похолодели. Двести тысяч долларов. На моей карте, которую

держал просто для того, чтобы был хоть какой-то денежный резерв. Безлимитный перевод со счета на счет. Это правда! Мама дорогая, во что я ввязался! И Новый Мир, скорее всего, тоже место реальное. Мелькнула мысль снять деньги и бежать, но тут же пропала. Такую сумму в валюте здесь, в Узбекистане, просто так не снимешь. Перевести с карты на карту? А откуда я знаю, какой след останется? Ведь я в банковских делах ноль без палочки, ни фиги не понимаю. Билет на поезд или самолет тоже просто так не купишь, большая очередь и регистрация за месяц, а на перекладных через целых три границы ехать – очень опасно. Да и тот, кто столько платит, вряд ли обманывает. Так что обратного хода нет. Я пошел домой собирать вещи и сортировать их. Сегодня воскресенье, все равно автосалоны не работают, а на рынках толпы народа. Надо ящик тушенки в маркете купить, в дороге по Казахстану пригодится, китайской лапши-пятиминутки, риса и макарон килограмм по пять, масла хлопкового. О, и в «Узпластитал» зайду, куплю всяких чашек. Это легкая посуда, и места много не займет.

Зашел в фирменный магазин, выбрал три большие канистры для воды, несколько разных тазов, ведер и наборов пластмассовой посуды. Поймал такси – частника, загрузил все в салон, привез домой. Начал отбирать вещи, хоть их и не очень много, но собрать надо. В первую очередь взял свои охотничьи принадлежности. Армейские юфтевые сапоги, бродни, два камуфляжа в «цифровом исполнении», кото-

рые для Армении или Грузии, не знаю точно, шили на «Текстиле». Но ткань очень хорошая, мне выбраковка досталась, и та вещь. А всего-то на полотне сместился рисунок.

В понедельник, встав и умывшись, решил последовать совету Анвара Шариповича и приобрести машину. Сосед мне оставил карточку и посоветовал, в каком автосалоне можно купить подходящую технику, назвал и магазин с электроникой. Я спустился в метро и поехал не в тот автосалон, который посоветовал вербовщик, а в тот, в который пару раз заходил до этого. Салон находился на другом конце города и торговал русскими грузовиками и вездеходами. Не зря в свое время на ВС учился.

Там купил ГАЗ-двухтонку с тентом на коротком кузове, «Егеря», и обеднел при этом на тридцать тысяч зеленых денег. В России они дешевле, эти машины, но, как говорят, «за морем и телушка – полушка». В салоне меня сначала приняли за человека, который просто пришел поглазеть: по сравнению с теми, кто покупал машины, я и впрямь выглядел не очень. Пришел пешком, в простых джинсах, кожанке. Без помпы, без родственников и друзей. Не принято здесь покупать машины в одиночку. Тем более в салоне – тут дороже. Правда, машину скомплектовать можно, а те автомобили, которые здесь продают, точно не битые. Меня даже на стоянку вести не хотели. А не объяснишь – если поймут, что человеку что-то надо, сразу тройную цену слупят. Пришлось все же прокатить карточкой по терминалу. Тогда отношение

сразу изменилось. А я, увидев на стоянке серую машину, уже не мог без нее уйти. Перегнал домой, благо двор просторный, еще одна машина, кроме этой и дедова старого «запорожца», встанет. Сразу взял и четыре запаски, капитальный набор ключей производства ФРГ, американские ручную лебедку и реечный домкрат.

После этого сходил на работу – в мастерскую, уволился. Слегка выпил с мужиками, обмыли мой отъезд на Украину, в Крым. Сказал, что дальние родственники пригласили. Сложил свои инструменты в не так давно купленный пластмассовый ящик.

Дома собрал весь садовый инвентарь, все пилы, топоры, лопаты, кетмени, вытащил из сарая старые, еще латунные керосиновые лампы. Аккуратно сложил их в картонную коробку. Упаковал электродрель, болгарку, все диски и сверла, которые нашел. Положил даже старинные, похожие на мастерки, дюймовые плашки. Они мне здесь недавно потребовались, болты на канадский квадроцикл делать, 7/16 дюйма с четырнадцатью нитками на дюйм, а кто сказал, что дюймовые резьбы в Новом Мире не в ходу? Все собрал и положил на пол кабины, под заднее сиденье.

Собрал все рыболовные снасти и определил туда же.

Потом сел, составил список необходимого, трижды перечитал. Вроде все, но наверняка что-либо забыл.

И понеслось. Оставшиеся два дня вертелся как белка в колесе. В первую очередь обошел четыре аптеки, покупал

в каждой по десятку упаковок ампициллина, парацетамола, аспирина, витаминов, средств от насморка и аллергии, а то у меня на старую пыль бывает, так что диазолина я десяток пачек купил. Бинты, йод, зеленка, вата, индпакеты, линимент синтомицина. Короче, здоровый пакет набрал.

Отогнал «запор» знакомому деду, другу моего деда, в небольшой поселок под Ташкентом, оставил ему документы на машину и написанную от руки расписку. Уже когда уходил, дедок вручил мне два классных небольших топорика работы местного мастера. Добротные такие, удобно лежат в руке, из хорошей стали, на рукоятях из абрикосового дерева.

Рынок на ипподроме – это нечто вроде Черкизона в Москве, огромная территория, где чем только не торгуют. Закупка трусов, шорт, носков и прочего заняла почти весь день. Купил полсотни маек из чистого хлопка Нукусской мануфактуры. Они не очень красивые, зато для работы на жаре лучше одежды нет. Прикупил четыре хорошие хлопковые спецовки. Я все же рабочий, а скорее всего, и там придется потрудиться. Купил несколько греческих джинсов, коричневых и зеленых. Там же, на ипподроме, купил три комплекта военной формы песочного цвета еще времен СССР. Добротные такие, крепкие. В самый раз для жары. Приобрел две горки российского производства. Случайно купил ременно-плечевую систему – для подсумков. Вообще-то в Узбекистане такими вещами не слишком торгуют. Много вещей не набирал, так, пару сумок, с какими челноки ездят.

Потом на Фархадской ярмарке приобрел два небольших кондиционера ДЭУ, телевизор «Самсунг», DVD-плеер этой же фирмы и ноутбук «Тошиба». Из-под полы купил носимые рации, и в машину. Дома упаковал еще один телевизор, музыкальный центр, свой старый компьютер и погрузил электронику в кузов. В салон электроники, который посоветовал полковник, я так и не пошел. Зачем? Как будто не знаю, где и что можно купить. Причем наверняка дешевле.

В небольшом инструментальном магазинчике увидел свою давнюю мечту – небольшой бензиновый генератор и сварочный аппарат постоянного тока для него. Закупил и полсотни килограмм электродов, «двоячки» и «троячки».

Нарезал черенков с винограда и граната, съездил с утра пораньше и купил на Алайском рынке саженцы абрикосов, персиков, черешен, миндаля, айвы и нектаринов, которые узбеки называют «лысый персик». Уже уходя, приобрел десяток саженцев роз. Поздняя осень – это самый разгар торговли саженцами. Они отлично вызревают, засыпают к зиме, а весной соответственно хорошо укореняются. Все равно дом у меня где-нибудь, но будет. А в том мире, по словам вербовщика, очень тепло. Стоят саженцы недорого, пару-тройку недель во влажной упаковке спокойно пролежат. А в случае чего потом уже посаженные деревья водой отолью. Упаковал я все это в пропитанную глиняным жидким раствором мешковину, сверху замотал еще влажным мешком, завязал целлофаном.

Но вот куда еще больше полусотни тысяч деть? Сразу столько снять не дадут, а то бог бы с ним, с курсом доллара. Да и на фальшивках деньги терять неохота. Перевести вклад можно куда угодно, в тот же Новосибирск, но как снять наличку за то время, которое я там пробуду? Вот задачку задал Анвар Шарипович. Впрочем, кое-что можно попробовать сделать.

Я подошел к телефону. Набрал давно знакомый номер:

– Тетя Роза, здравствуйте. Это Володя Яушкин. Можно к вам зайти?

После ее согласия завел новоприобретенный грузовик и поехал.

Тетя Роза – мать моего мастера, с которым работал на ТА-ПОиЧе, ташкентском авиазаводе. Когда после развала Союза переворочавший Есик линял в Израиль, я помог ему перевезти кое-что домой к матери, которая жила от нас через три улицы.

– Здравствуйте, тетя Роза.

– Здравствуй, Володя. Извини, что не пришла на похороны твоего деда, я уже настолько древняя, что скоро с ним увижусь. Говори, что тебя ко мне, старой еврейке, привело?

Ухоженная восьмидесятилетняя женщина завела меня в дом. Ее сын старше меня на десять лет, но все равно считался поздним ребенком этой очень уважаемой в махалле женщины. Ее связи, казалось, опутывают весь мир. Именно она советовала деду с бабушкой продать дом и ехать в Россию в

восемьдесят девятом. Говорила, мол, Союз скоро развалится. Дед тогда долго смеялся, а зря, как выяснилось.

– Тетя Роза, продайте мне те железки, которые мы с Иосифом вам девять лет назад привезли. Вы же их не продали до сих пор? Они все равно у вас пылятся, а мне нужны.

Тогда я помог разгрузить и спрятать в сарае почти полторы тонны инструментов, если прикинуть, по нынешним ценам тысяч на семьдесят долларов. И это по внутренним, межзаводским ценам, когда производства обменивают инструменты на какой-то другой товар. А по рыночным раза в два дороже.

– Володя, ты пытаешься обмануть старую женщину? Ты знаешь, сколько это железо стоит? И ты хочешь сказать, что имеешь эту сумму? А зачем тебе тогда это железо, если есть такие деньги? Почему бы тогда тебе не уехать в Россию? Ясное дело, в Америку или в Израиль еще лучше, но ведь твоя мама не еврейка, к моему великому сожалению.

– Нужно, тетя Роза. Не спрашивайте, для чего, но мне нужен товар. Ведь деньги – это бумага, которую просто ценят за тех американских президентов, которые на ней нарисованы. Золото, к сожалению, не купишь. Так что я хочу выкупить у вас инструмент. Готов предложить пятьдесят тысяч долларов и взять оптом.

– Володя, ты думаешь, если я учительница английского языка, то ты можешь думать про меня – глупая? Мне Иосиф сказал, чтобы дешевле шести десятков тысяч американских

денег даже не думала продавать. Ведь там только полотен для механических пил три тысячи, а они стоят по десять евро за одну штуку! Я, может, и училась в педагогическом институте, но читать буклеты о промышленных товарах умею.

– Тетя Роза, вы же не будете продавать пилы по одной. А продавать кучей, так у вас спросят – а не те ли это инструменты, которые пропали вместе с вашим сыном? Я же сразу переведу пятьдесят три тысячи на счет вашего Иосифа в Израиле, если вы согласны. Съездим вместе в банк, деньги положу на ваших глазах.

– Володя, ты поступаешь очень грубо, так давишь на пожилую еврейку. Если бы здесь был Иосиф, ты купил бы у него все это не меньше чем за пятьдесят пять тысяч.

– Давайте я куплю у вас это железо за такую сумму, тетя Роза? Согласны? Только перевод сделаем за ваш счет?

Я вытер пот со лба. Все же торговаться с еврейкой – это не про меня. В пот вогнала. А ведь мне все это еще грузить.

– Хорошо. Только никуда не надо ехать. Я позвоню своему троюродному племяннику, он очень умный мальчик, привезет передвижной терминал, и переведешь деньги прямо отсюда.

Тетя Роза зашла в дом. А я стал таскать ящики с инструментами в кузов. Хорошо, что не самые тяжелые попались инструменты. Не самые большие фрезы томского инструментального завода, механического полотна, твердосплавные пластины всех сплавов, типов и размеров, алмазные кру-

ги и многое другое. Ящики килограмм по шестьдесят – семьдесят, не больше. Тяжелее всего было грузить ящики с большой делительной головкой и ее принадлежностями, тут чуть пупок не развязался. Но все же чуть больше тонны высококачественного инструмента я получил. Так что перетаскивал по веранде ящики из кладовки и перекладывал их в кузов с удовольствием. Да и веранда высокая, поэтому сильно поднимать грузы не пришлось. А то прямо соревнования по силовому экстриму.

Уже когда закончил с погрузкой и допивал чай с потрясающим печеньем тети Розы, подъехал старенький, но неплохо ухоженный сотый «мерседес». Из него вышел моего возраста еврей, очень вежливо поздоровался с тетей Розой, пожал мне руку, достал дипломат, вытащил из него небольшую коробочку.

Прогнав карточку через мобильный терминал, я оставил пятьдесят тысяч зеленых на улице с таким же названием. Но все равно получилось удачно: попробуй найди в такие сроки столько товара. Я же не в Европе. Но себе пять тысяч долларов на дорогу по Казахстану и России оставил – что бы ни говорил узбек, пусть лежат в запасе.

– Володя, учти, новое место – это новые законы. Неважно где – в России ли или в Израиле. Не будь злым, не будь подлецом. Стань настоящим мужчиной, может, найдешь там свой дом. И учти, настоящий мужчина – это не обязательно герой. Это тот, кого дома ждут. Иди. Я помолюсь за тебя.

Я поклонился мудрой женщине, сел в свой грузовик и поехал домой. На душе потеплело от добрых слов. Но у меня имелось еще одно дело.

Загнав грузовик во двор, я закрыл ворота и пошел на станцию метро. Там сел на поезд и поехал на кладбище. Вышел на «Сельхозмаше» и потопал пешочком. Тут недалеко, я не тороплюсь, а мои родные и подавно. По дороге купил в ларьке бутылку водки, четыре пластиковых стаканчика и буханку хлеба. На старом кладбище, существующем еще с царских времен, прошел мимо братской могилы футбольной команды «Пахтакор», погибшей в авиакатастрофе, попал на заросшую аллею. Прошел по ней, открыл сваренную из арматуры калитку, присел на скамью. Посмотрел на могилки. Бабушка, дядя и дед. Отец с матерью пропали без вести в Афганистане в семьдесят девятом, сразу после ввода войск. Пропали бесследно, вместе с товарищами, никто даже не смог узнать, куда подевалась группа советских ученых.

Я налил водку в четыре стаканчика, нарезал хлеб перочинным ножом. Вроде и не оружие, но пару раз ножичек меня здорово выручал. Если зажатой в кулаке рукоятью ударить по голове, мало не покажется. Три стаканчика поставил на могилы, накрыл куском хлеба. Четвертый взял себе. Помолчал, выпил, поклонился и пошел, постарался не оборачиваться. Казалось, мне в спину смотрят. Зашел в часовенку, притаившуюся на окраине, среди могил умерших в госпиталях от ран советских воинов, беженцев и эвакуирован-

ных, оставил две сотни баксов зрителю, попросил при-
смотреть за могилками. И ушел. Мне дед говорил: «Щепки
должны лежать там, где они упали!»

Вечером в среду, закончив упаковывать и укладывать ве-
щи в кабине и кузове, увязывать ящики с электроникой, гру-
зить инструмент, отошел и сел на крыльцо. Посидел, посмот-
рел на вещи, отшел в сторону свою депрессию и полез на
чердак. Поднял тучу пыли, пока открывал старый чемодан
в дальнем углу, прикрытый фанерным листом. В чемодане
лежало то, о чем даже бабушка не знала – очень мало стре-
лявший пистолет ТТ довоенного выпуска, четыре заверну-
тых в промасленную бумагу запасных магазина к нему (это
кроме того, который находился в кармашке старой кожаной
кобуры), цинк с патронами выпуска сорок пятого года. Была
здесь и еще одна вещица, которую дед снял с убитого япон-
ского офицера: «Штайер Солотурн», сделанный в Австрии
для Японии еще до Второй мировой – такого же калибра, как
и ТТ, основательно пострелявший, с потертым воронением
и пошарпанным ореховым цевьем, но хорошо ухоженный. К
нему прилагались одетые на ремень с португеей штык-нож,
два подсумка из добротной, но потертой коричневой кожи
с шестью магазинами на тридцать два патрона. По словам
деда, австрийские автоматы были лучше ППШ, по крайней
мере, менее скорострельные и более точные. Дед очень це-
нил этот трофей. Тем более что это оружие было любимой
дедовой тайной. Он ее хранил шестьдесят лет. Тут же, в че-

модане, лежали цейсовский бинокль с восьмикратным увеличением, уже изрядно помутневший, и немецкая офицерская планшетка с картой Берлина.

Я сидел на чердаке и вспоминал деда. Он не зря закончил службу старшиной роты, много чего привез...

– Знаешь, внук, ты отслужил, что такое тайна, понимаешь. Пошли, – сказал мне тогда деда и, кряхтя, полез по приставной лестнице на чердак.

– Дед, тебе ли по чердакам лазить, скажи, что надо, и я сниму. Не дай бог, упадешь. Ну, старый!

Я полез вслед за ним. Отодвинул вязанки вяленой чехони, прошел в дальний угол чердака. Дед, кряхтя, толкал старый бабушкин сундук. Я отодвинул дедулю в сторону и сам навалился на эту память о бабкином приданом.

Под сундуком лежал лист финской фанеры. Деда приподнял его, прислонил к стене. В нише обнаружился старый алюминиевый чемодан. Когда дедуля открыл крышку, я увидел несколько завернутых в байку свертков, и рядом еще один побольше, прямоугольный, запакованный в старую газету. Посмотрел вопросительно на дедушку, взял один. Тяжелый. Уже предполагая, что увижу, развернул его. Ну, дед!

В руках у меня лежала кобура. Темно-коричневая, с ремешком, удерживающим крышку, удивительно мягкая после стольких лет хранения. Открыл ее, достал пистолет ТТ. Выщелкнул магазин – пустой.

– Да, дед, удивил. Откуда? Впрочем, глупый вопрос. А по-

чему кожа у кобуры такая мягкая? После стольких-то лет?

– Я ее еще в сорок восьмом барсучьим жиром пропитал, – улыбнулся довольный дед. – Она теперь вечная, если мыши не съедят. А чемодан из люменя – тоже трофей, с битого немецкого самолета снял. Там трехстволка лежала, своему комбату отдал, а чемодан себе забрал. Был еще пистолет, маленький маузер, но подарил его одному товарищу в пятьдесят втором, когда он на Сахалин уезжал.

– А патроны есть?

– Патроны в цинке. Нераспечатанном. Вон, в бумагу завернут. Тут пистолет и автомат. Автомат японский, пистолет наш. Оружие живое, нерасстрелянное. Знай об этом и помни. Не дай бог, пригодится...

Теперь, похоже, пригодится. Это оружие будет моей страховкой. Тем более в Казахстане. Там такие степи, пару раз ездил с друзьями порыбачить и поохотиться. Порой за несколько суток путешествия никого не встретишь. Я отнес чемодан к чердачному люку. Спустил его на веревке. Тяжелый. Занес в дом. Задернул занавески, достал оружие.

Вскрыл цинк, открыл пачку патронов. Ярко-желтые, пока не потускневшие игрушки, настоящие «маслята». Зарядил магазины пистолета и автомата. Автомат спрятал за спинкой сиденья «Егеря», пистолет вставил в двустороннюю наплечную нейлоновую кобуру, которую купил вчера в магазине вместе с пневматическими копиями. Нацепил, поверх натянул кожанку. Покрутился возле высокого бабушкиного

зеркала. Вроде ничего не выпирает, движения не стесняет. Пусть будет, так спокойнее. Полковник говорит, что через границу проведет, а там посмотрим.

Собрал все фотографии, семейные и просто снимки на память. Завернул медали деда, два николаевских и один ленинский червонцы (крохи, которые прабабка умудрилась спрятать при раскулачивании и сберечь в войну). Уложил все это в отдельную папку, туда же поместил свои документы. Все это сложил в дюралевый чемодан. Приготовил цветную фотку, которую заказал вербовщик. Достал свои ружья – тулку-курковку и магазинку МЦ-2001 – обе двадцатого калибра, коробки с патронами, уложил и их в грузовик. Связал в стопку два десятка любимых книг, завернул в целлофан и тоже отнес в машину.

Подумал, уложил в кузов, в деревянный ящик, две банки – с абрикосовым и вишневым вареньем. Когда еще его поем, нового-то урожая. Туда же бросил небольшой дубовый бочонок с виноградным самогоном. Еще бабушка гнала. И лег спать: завтра в любом случае тяжелый день.

Но тут же встал. Идиот, что я творю? Что я затеял, на что поддался? Ведь ясно, что это все замануха для такого кретина, как я. Подумаешь, деньги дали... Их и с трупа снять недолго. Полковник меня знает как облупленного, точно понимает, что не пропью и не прогуляю, а потрачу на дело. Заберут машину, инструмент, и все. Подумаешь, золото пообещали. Пистолет у меня есть, типа супервоин стал! Я же

Анвару Шариповичу в том году два ружья ремонтировал: на ТОЗ-34 менял рычаги взвода, на МЦ-2112 обсаживал раздутый в последней трети ствол. Полковник прекрасно знает, что мне из моих ружей обрезы сделать – десять минут работы. Я рванул было к машине с намерением сейчас же убраться из города, но попал под ледяной шквальный дождь. И остыл. Зашел домой, растерся полотенцем, подумал, достал удлинитель, пару проводов и лампочку. Кое-что сделал и лег спать.

Проснулся ровно в три, ополоснулся под холодным душем, чтобы вытрясти остатки сна. Возвращаясь из душа, раздавил очередного скорпиона на веранде, развелось же их за последние пять лет! Проверил еще раз все собранное по списку. Полностью оделся, не забыл приладить пистолет под куртку. Причем патрон дослал в патронник и спустил курок, поставив пистолет на предохранительный взвод. Выключил все бытовые электроприборы, даже выдернул вилки из розеток. И телефон отключил. Заварил крепкого чаю, включил горелки, закрыл двери на ключ, проделал одну тонкую операцию, вылез в окно веранды, закрыл его снаружи и сел с кружкой чая на крыльце дома – ждать, благо дождь закончился.

Ровно в четыре послышались шаги возле ворот и стук.

– Володя, открывай.

Я открыл калитку, впустил соседа.

– Доброе утро. Пора, едем? – А у самого, между прочим,

пальчики-то дрожат. Нервничаю. И пистолет спокойствия абсолютно не прибавляет. Нет спокойствия, одно беспокойство. Похоже, жизнь меняется. По крайней мере, место жительства.

– Едем. Готов? Тогда вперед! Бисмилло рахмону рахим! – Анвар Шарипович провел руками по аккуратной бородке и полез в кабину грузовичка.

Я открыл ворота, вывел машину на улицу, потом закрыл дедовские ворота в последний раз. Нагнулся и набрал горсть земли из-под вишен перед домом, завернул ее в носовой платок, положил в карман. Не удержался, прижался лбом к калитке, постоял так минуту. Перед глазами все расплывалось. Слезы, что ли?

Вытер глаза, залез в кабину. Узбек молчал, рассматривал соседний дом. Я поехал навстречу рассвету, на восток.

Выехал на улицу Мукимий, вопросительно посмотрел на полковника.

– Давай к Южному вокзалу. Там дальше скажу. Не спеши, время есть.

Я поехал по пустым улицам. Город только-только просыпался, зажигая в сумерках окна домов. Меня обгоняли редкие машины. Поглядывал в зеркало, следил за дорогой сзади. Но там вообще никого не было.

После Южного вокзала выехали на обводную и направились в сторону массива Куйлюк. Через четыре километра съехали в какую-то промзону. На выезде посмотрели на мое-

го сопровождающего, козырнули, сразу закрыли за нами ворота. Неплохое место, чтобы что-то спрятать. Машин по обводной дороге за день тысяч сто, наверное, проезжает. Если не больше.

Двор промзоны оказался заставлен разнообразными джипистыми машинами. Отдельно стояли три «буханки» – УАЗ, пара ЗИЛ-131. Все, в том числе и джипы, покрашено в цвет хаки, все типа отремонтировано. Ну-ну, если продавать тому, кого потом никогда не увидишь, вряд ли хорошо отремонтировать будут. Слава богу, что здесь ничего не купил, цены, написанные маркером на машинах, на лобовом стекле, очень впечатляли. Прямо скажем, охренительные цены.

Въехали в большое складское помещение. Там я отдал молодому узбеку, недовольно посмотревшему на мою машину, свою фотографию.

– Какой имя-фамилий указать? – недовольный вопросительно глянул на меня.

– А? – тут я удивился.

– Ты под каким именем пойдешь? Что вписать?

Я протянул свой зеленый узбекский паспорт. Мне имя менять незачем.

Прошел по указанию полковника в небольшую комнатку с сидящей за зарешеченной перегородкой женщиной, решил вопросы обмена золота, взвесили его на электронных весах. Потом я женщину здорово насмешил, перевесив слитки на своем китайском безмене.

– Ровно четыре кило. Вроде все честно. Кислотой проверять надо? – Я достал скляночку.

– Хотите, проверьте. Ваше право. Вон станочек есть, просверли любой слиток. – Женщина застыла в позе оскорбленной невинности. А я взял и просверлил, потом капнул. Вроде все нормально. Промыл слиток и стружку, сложил все в целлофановый пакет и определил к остальным. Затем упаковал все в пакет с фотографией Ташкента и вышел в зал.

– Вот, держи. Твоя айдишка.

Мне протянули небольшую карточку, еще теплую после ламинации. На ней была моя фотка, закатанная под пластик, имя и фамилия на русском и английском, длиннющий номер из шестнадцати цифр и какая-то пирамида с глазом. Чем-то знаком показался мне этот символ, не пойму. С обратной стороны штрихкод, и снова глаз на пирамиде. Иллюминаты, что ли? Вот и документ. Потихоньку я начал расслабляться. Золото продали, документ дали, посмотрим, что будет дальше. Взял свой паспорт, положил в карман рубашки.

– Поехали в другой двор, Володь.

Мой вербовщик снова залез в машину. Ну поехали.

Я объехал здание, въехал в другие ворота. Грузовик шел очень мягко, почти не качаясь. Все же почти максимальная загрузка получилась, чуть меньше, чем должно быть.

– Вот, держи, твой российский паспорт. Он настоящий, не бойся. Твои права, российские, номера и техпаспорт на грузовик, зарегистрирован в Новосибирской области. Права то-

же настоящие, абсолютно. Видишь, мы тебя не обманываем. Все, поехали. Давай на обводную, потом будешь следовать моим указаниям.

Полковник полез в кабину. Мне стало не по себе. Это что за организация такая, если для них российский паспорт и права сделать – мелочи. Ну не совсем мелочи, полторы – две сотни тысяч американских долларов заплатил, но так быстро? Я покачал головой и сел за руль.

Через полтора часа, объехав вкруговую почти весь город, я стоял возле блокпоста на узбекско-казахской границе, недалеко от Ташкента, уже с той стороны границы. Граница в этом месте, если смотреть по карте, имеет еще тот видок и вихляет самым неприличным образом. И получается, что в некоторых местах Шымкентская область Казахстана практически касается Ташкента.

– Ну вот и все проблемы. Держи навигатор с маршрутом. Он тебя поведет проселками, подальше от постов и городов, благо Казахстан очень большой. И народу в нем для такой огромной страны очень мало. Через полсотни километров накрути русские номера. На границе России позвонишь по этому номеру с этой симки, тебя встретят, и быстро. Прощай. Ни пуха ни пера.

Полковник спрыгнул с подножки, отошел к казахскому погранцу. Узбекский отвернулся в сторону, как будто происходящее его ни грамма не интересовало.

– Погодите, Анвар Шарипович. Вот ключи от дома и до-

кументы. В дом через дверь не заходите, заминировано. За-лезайте через окно, проветривайте от газа, а потом снимайте с двери взрыватель.

– Вай, шайтан! Ты что, не поверил мне? – Полковник ошале-ло смотрел на меня и доставал телефон.

– Нет. Не поверил. Но решил рискнуть, хоть это и сумаш-ествие. Прощайте! – Я перегазанул, включил вторую пере-дачу. Ну что, поехали. К черту!

Никогда не ездил по этой местности, обычно на террито-рию Казахстана заезжал или в районе речушки Келес, или после города Гагарин, когда отправлялся на озеро Айдаркуль порыбачить и поохотиться. Но в принципе никакой разницы я пока не заметил. Тут тоже жили узбеки, если, конечно, су-дить по ухоженным садам.

Вскоре навигатор вежливым женским голосом вывел меня на проселок. И я поехал на северо-восток.

Через шестнадцать часов, преодолев больше тысячи ки-лометров, остановился на ночевку возле старого мазара по-среди степи. Навигатор уверенно вел меня малоезжими до-рогами к границе России. Причем те мосты, к которым он меня выводил, оказывались целыми, а броды проходимыми. Правда, нагруженный грузовик неплохо ел своим необкатан-ным мотором горючку, пришлось заправляться, на заправ-ке купил бочку с солярккой, которую закатил в кузов по дос-кам с помощью молодого казаха. Меня разок остановили для проверки, но российский иностранный паспорт с отметкой

о пересечении границ, документы на машину и права с вложенной десятидолларовой купюрой их вполне удовлетворили, как и слова о том, что еду из Узбекистана на ПМЖ в Новосибирск и везу имущество, доставшееся мне по наследству.

Недалеко от мазара плакали шакалы, жалуясь неведомо кому на свою горькую пустынную судьбину. Огромная луна заливала светом старые развалины. Декорация для фильма ужасов, блин, аж мороз по коже.

Я сидел возле небольшого костерка, пил горячий, пахнущий дымом чай, ел сдобную лепешку – патыр. МЦ-2001 лежала на коленях, заряженная пулевыми патронами, все-таки автомат светить не стоило. Хорошо додумался вязанку дров в сарае набрать и в кузов кинуть. Ни кустика вокруг, ни деревца. Одна трава.

Надо покомарить часок-другой, а лучше четыре-пять часиков поспать. Эта поездка здорово утомила, да и нервов сжег приличное количество. Пустынная дорога, небольшие горушки, пару раз пересекал железнодорожные переезды. Тот, кто ездил по степям Казахстана, знает, каково это. Огромные, почти пустые просторы, иногда пересеченные рокадными дорогами. Впрочем, магистральные дороги, которые мне тоже приходилось пересекать и немного по ним ехать, были весьма неплохи. И поток машин оказался не сказать чтобы маленьким для таких пустынных мест. Хорошо, что последнюю неделю дождей не было, сухо.

Но чем дальше на север я забирался, тем становилось холоднее. Проехав Балхаш, обратил внимание на то, что кое-где уже лежит снег, земля замерзла. Пришлось включать печь и ночевать в кабине с работающим мотором. Купил на одинокой заправке антифриз и залил его вместо воды в радиатор, чтобы хоть иногда глушить мотор. Саженцы тоже положил в кабину, чтобы не замерзли. Хорошо, что брал только однолетки, не самая большая охапка получилась. Навигатор успешно вел меня в обход крупных поселений. Впрочем, ближе к России стали попадаться деревни, появились хвойные леса. При подъезде к российской границе я выехал на дорогу, соединяющую Павлодарскую область и Карасук Новосибирской области, ну и дальше соответственно идущую в Новосибирск. Стояли морозы градусов пятнадцать, но снега не было. Я достал свою «дубовую», еще черно-белую «Нокию», установил симку, набрал высветившийся номер.

– Алло. Яушкин? Где тебя черти носили? И где ты сейчас? – недовольным мужским голосом произнесла трубка.

Ну слава богу, а то я последние два дня чувствовал себя полным идиотом.

– Если верить навигатору, то в двадцати километрах от границы с Россией по дороге на Карасук.

– Давай к границе, встань километрах в двух от нее. Я скоро подъеду. Жди!

Телефон загудел короткими гудками. Я снял пистолет, залез в кузов и спрятал его в чемодан, поближе к автомату.

Поставил на чемодан ящик с инструментом. Под ящиками лежало золото. Странно, но меня это уже совсем не беспокоило, как будто в компьютерную игру-бродилку играл. Впрочем, скорее всего, устал.

Поехал, встал, как и было сказано, в двух километрах от границы. Через три часа, уже в потемках, подъехал праворульный японский джип «тойота». Из его левой дверцы вылез мужик, что-то сказал водителю, залез ко мне в кабину, подвинул саженцы и удивленно на них посмотрел.

– Ну здорово, переселенец. Вы там все на голову такие стукнутые – в конце октября через северный Казахстан по проселкам ехать, а? А если снежный циклон? Тебя бы только следующей весной откопали, и то не наверняка, может, и пару лет пролежал бы в снегу. Придурки вы, честное слово. Точнее, ваши узбеки, орденские сволочи. Лишь бы с людей деньги содрать, а там пускай хоть сразу его закапывают. Поехали, экстремал. Давай за «тойотой». – Я тронулся за серебристым джипом. Вдоль дороги росли высокие то ли ели, то ли сосны, в общем, какие-то хвойные деревья.

Следующим утром меня, отчаянно зевающего, заперли вместе с грузовиком на каком-то складе на окраине Новосибирска. Склад был теплый, с отоплением. Меня сразу развезло. Сожрал насилиу банку тушенки, на которую я уже не мог смотреть, и лег спать.

Глава 2

29 октября 2005 года, Новосибирск

– Вставай, спящая красавица. Проснись, тебя ждут великие дела. Подъем!!! – заорал над ухом Петрович.

Так звали того мужика, кроторый был моим проводником по Новосибирской области. Я встал, потянулся. Эх, еще бы помыться.

– Петрович, а ополоснуться здесь можно? Почти неделю не мылся, грязью зарос и прокоптился. А? – Я с надеждой взглянул на мужика.

– Почему нельзя? Можно. Вон там, в конце коридора, душевая кабина. Как раз для таких отмороженных, как ты, сделана. Тут их летом много прошло, не один десяток. Сотни. На той неделе тоже из Узбекистана переселенцев провожали, больше сотни. Из Коканда, по-моему. У тебя полчаса на помывку, потом поедем к Воротам. Тебе ничего не надо? Оптику там или прицелы ночного видения? Дальномеры? Наши, новосибирские, есть. Комплект из бинокля, оптического прицела, лазерного дальномера и прибора ночного видения стоит ровно четыре тысячи долларов. Дальномер, правда, геодезический.

Так я и отдал за этот комплект последние американские деньги. Помывшись, переоделся в чистую одежду, а грязную сложил в пластиковый пакет для мусора и забросил в кузов,

положил приборы в алюминиевый чемодан, а вместо пистолета взял автомат.

– Ты чего? – Петрович посерел, увидев автомат в моих руках.

Я спрятал его за спинку кресла.

– Так, на всякий случай. Ты же не знаешь, что и как там? То-то. Веди, Сусанин. – Я завел двигатель.

– Да Ворота рядом. Метров триста проедем. Готовься. Главное – не нервничай. А то у меня от нервных и вооруженных переселенцев уже нервный тик.

Мы объехали склад, по заснеженному двору заехали в тяжелые ворота. Их поскорее закрыли, чтобы не выпускать воздух. В стеклянном стакане сидел охранник и смотрел какую-то программу по ТВ.

В складе ничего особенного не было. Так, обычный склад, ну утепленный. Рельсы с платформой, проходящие под покрашенной в зеленый цвет аркой со светофором. Эстакада, выходящая на платформу.

– Давай, заезжай. Слушай сюда, экстремал. Как зажгут желтый, заезжаешь на платформу, на зеленый глушишь мотор и не двигаешься. А лучше даже не дыши. Понял? Еще раз повторяю – замри, не двигайся и не дыши. Начнешь дергаться – погибнешь, учти. Понял? – Я кивнул, а по спине пополз ручеек холодного пота – от страха. Инструктаж тем временем продолжался: – На той стороне не вздумай нервничать, хвататься за автомат. Позовут, съезжай. Как скажут,

так и делай. Ты же видишь, мы вас, переселенцев, не обманываем. Из Узбекистана в Россию провели. Ну ни пуха.

Зажегся желтый сигнал. Я заехал на платформу. На мой взгляд, «Егерь» с трудом умещался под арку, но мне показали большой палец. Зажегся зеленый, противно заняла сирена. Платформа медленно тронулась.

Передо мной в створке Ворот появилось зеркало, неровное, дышащее, заслонившее бетонную стену. Капот грузовика исчез в нем. Я рефлекторно вжался в спинку сиденья, пытаюсь оттянуть этот неприятный миг. Посмотрел на свое отражение, изменчивое, мигающее, и, зажмурившись, въехал в него.

На меня нахлынуло странное ощущение. Будто наизнанку вывернули и обратно вернули. Неприятное ощущение. Но оно быстро ушло.

Новая Земля. База «Россия».

22 год, 23-й день число 9-го месяца

Вой сирены прекратился. Я открыл глаза. В боковом зеркале из ничего появлялся кузов машины.

Впереди возникли открытые ворота, в них виднелось пасмурное небо. Платформа остановилась.

Большой пустой ангар. Нет, не пустой. Вон кар едет. Подтолкнул платформу к специальной горке.

Ко мне подошла темноволосая девушка:

– Пожалуйста, съезжайте поскорее. Проезжайте по линии,

ставьте машину на стоянку номер три. Не задерживайтесь.

Девушка была одета в легкую форму, песочного цвета брюки подчеркивали длинные и стройные ноги, малиновый берет прикрывал коротко стриженные черные волосы. На тонкой талии над красивой попкой пристроился пистолет. Слишком большой пистолет для девушки. На ногах коричневые кроссовки, но, по-моему, какие-то форменные. По крайней мере, из стиля они ни на йоту не выбивались. Девушка пошла по линии на размеченную стоянку. Ворота с надписью «Нвбс» оказались не единственными, дальше в ряд шли «Ект», «СПб», «Мск», и так в обратную сторону. Заканчивался ряд воротами с надписью «Влдвст».

Оглядел большой двор с высоким бетонным забором, оплетенным поверху колючкой и замощенный бетонными плитами. Незнакомые запахи в воздухе, незнакомая трава в щелях между плитами. Даже небо, в котором где-то в высоте кружились птицы, казалось незнакомым. Невдалеке стояла пара парней в камуфляжной американской форме, в разгрузках, с американскими автоматами. Один подошел ко мне:

– Здравствуйте, со счастливым прибытием на Новую Землю. У вас есть оружие, которое необходимо опечатать? Хожение с оружием по территории базы запрещено, только после КПП распечатаете.

Так, вроде не обманули. Руки стали влажными, пришлось крепче стиснуть руль, чтобы не дрожали пальцы. Точно, я где угодно, но не в Новосибирске. Теплынь такая, что аж

жарко в теплой кожанке.

– Оружие есть: автомат, пистолет и два ружья. А во что запечатывать? – Я вылез из кабины, скинул куртку, снял вместе со сбруей пистолет, свернул все и положил на ступеньку машины, потом достал из кабины автомат, вытащил рожок. Залез в кузов, вынул из багажа ружья.

Когда подошел к кабине, парень внимательно рассматривал автомат.

– Какой интересный. Откуда?

– Дед привез с войны, японский трофей.

– Мой тоже Квантунскую армию громил. Погоди, сейчас сумку принесу. Только посиди здесь, за тобой Джек присмотрит, правила такие. – И парень пошел куда-то во двор.

А Джек подошел, попросил на неплохом русском разрешения посмотреть автомат. Покрутил в руках, примерил к плечу и положил обратно.

– Знаете, сэр, мой дед тоже с джапами дрался в Юго-Восточной Азии. – Он подумал и продолжил: – Позвольте дать вам совет, сэр. Здесь вам предложат купить оружие. У нас так принято, и Орден очень неплохо на этом зарабатывает. Но сейчас на складах базы и в арсенале пусто. Не идите сейчас на оружейный склад покупать оружие. Ничего толкового там нет. Так, старые магазинные винтовки. На этой неделе через нашу базу прошло около восьми тысяч человек, в основном сербы из Косово. Раскупили все автоматы, самозарядные винтовки и карабины. Даже эти ваши, ППШ-1

и ППС-43 все выкупили. Даже старые пулеметы Максима. Так что подождите до ночи, придет мистер Эдвардс с базы «Америка», привезет оружие. Его сразу выложат в арсенале, потому что скоро снова начнут прибывать переселенцы. Правда, оружие в основном американское, но оно не хуже русского. А русское оружие должны привезти из Старого Света через несколько дней. А столько ждать вы не сможете, потому что на базе простой человек может пробыть не больше трех суток. И учтите, если вы пойдете с Еленой, то просто не сможете чего-либо не купить, она гениальный торговец.

Тут появился первый охранник и принес мне здоровую и явно очень прочную брезентовую сумку.

– Вот, потом с тебя деньги за нее снимут. Складывай сюда.

Я сложил оружие в сумку, мне ее запечатали через тросиковые петли.

– Все, бросай ее в кузов. За сохранность вещей не беспокойся. Лена, отведи, пожалуйста, клиента.

Девушка с пистолетом пошла впереди меня. Указала на тяжелую дверь, похожую на бронированную корабельную. Над дверью видеочамера и надпись: «Иммиграционная служба Ордена». О как, коротко и со вкусом! Толкнув дверь, вошел.

А ничего, мило. Аккуратненький офис, по-другому не скажешь. Кресла, диванчик, цветочки. За стойкой стоял молодой парень в форме и с пистолетом.

– Здравствуйте! Приветствую вас в Новом Мире. Разре-

шите вашу АйДи?

Этот монолог напомнил мне сетевых менеджеров, которые продавали за дикие деньги китайские утюги. «Сегодня ваш счастливый день», – и так далее. Я протянул карточку парню.

Тот проверил ее по компьютеру, что-то пощелкал мышкой, протянул мне карточку обратно:

– Итак, господин Яушкин Владимир, еще раз поздравляю вас с прибытием в Новый Мир, на нашу базу «Россия». Если у вас остались наличные деньги того мира, то можете потратить их здесь. По курсу три целых три десятых доллара за одно экю. Рекомендую купить путеводители и карту. Также часы, сделанные для этого мира. У нас здесь сутки состоят из тридцати часов, и последний час равен семидесяти двум минутам. Оборот планеты вокруг местного светила происходит за четыреста сорок дней.

– Простите, то есть год длится четыреста сорок дней? – перебил я парня.

– Да, вы правы. Так вы не ответили на мой вопрос. У вас осталась валюта земных государств?

– Нет, только золото. Его здесь принимают? А то я уже за сумку должен.

– Я проведу вас в отделение нашего банка, только сначала давайте зайдем к медикам. Требуется сделать небольшой осмотр и прививки. Не бойтесь, ничего страшного, просто профилактика. Никаких осложнений, процедуры для усиле-

ния иммунитета.

Ну-ну, ладно. Медосмотр так медосмотр. Я пошел за слегка вихляющим бедрами парнем. Гомик он, что ли?

Вскоре, получив дозу прививок и к ним какие-то сиропы, зашел в похожий на бункер местный банк.

– А что у вас так мрачно? Как будто к ядерной войне готовитесь, – спросил у служащей за стеклянной стенкой, которая взвешивала, проверяла на спектрографе и визуально осматривала слитки и монеты. Себе я оставил только бабушкино золото, на память. Все равно три монетки погоды не сделают.

– Вы знаете, когда осваивали этот мир, боялись всего. Решили перестраховаться. Вам причитается сорок тысяч эю. По одному эю за одну десятую грамма золота. Одна десятая взимается за обмен валюты. Деньги перечислены на ваш счет в Банке Ордена. – Она развернула монитор компьютера ко мне. – Вот, смотрите, сорок тысяч минус четыре тысячи, осталось тридцать шесть тысяч. Снимать будете? Это уже без процентов. Все вклады в наш банк охраняются, не подлежат никакому досмотру и разглашению. То есть гарантированная банковская тайна, в отличие от Старого Света. Но вот если вы захотите снять золото, то опять будет взиматься комиссия, еще десять процентов. Не думайте, мы не наживаемся, просто так спонсируется переселение людей в наш мир. Кстати, АйДи – это еще и банковская карта, по которой в любом почтовом и банковском отделении Ордена вы

сумеете снять наличные. А оттиск вашей карты в отдельных случаях может быть и персональным чеком.

– Чем-чем?

– Персональным чеком. Объяснить, что это такое и как им пользоваться?

– Нет, спасибо, лучше я постараюсь до этого не доводить. Давайте округлим, пусть на счете остается круглая сумма, тридцать тысяч. Проценты на вклад начисляются?

– Нет, у нас пока нет инфляции. И конкуренции банков тоже, мало нас еще здесь. Вот ваши деньги. – Мне протянули мою айдишку, которая еще, как оказывается, выполняла функции банковской карты, и пачки местных денег, больше всего похожих на игральные карты. Причем пластиковые.

Пачки сотенных и полтинников, немного двадцаток и пригоршня мелочи. Тоже пластиковой. Шесть тысяч экю – много это или мало?

– А какая зарплата у квалифицированного рабочего здесь, в Новом Мире? Не знаете случайно?

Надо поинтересоваться, мало ли что. Переживать, впрочем, поздно. Но те сто тысяч я уже отбил, хотя и выиграл практически только на том, что не попался на фальшивках. Впрочем, если еще посчитать проценты за перевод золота в экю... Получается неплохо.

– Вы знаете, если исходить из курса нашей валюты по отношению к доллару, то получается примерно как в США. То есть от семи до девяти сотен в месяц. Это немало, поверьте.

Семья может снимать квартиру, питаться, одеваться, и еще немножко останется на удовольствия. Это при одном работающем человеке. Если работают двое, то намного легче.

Угу, в рай попал. Попрощавшись с любезной служащей, вышел на улицу. Там меня ждала девушка Лена.

– Вы не хотите купить оружие? Оружие здесь необходимо, поскольку мир еще дикий. И хищники не самая большая проблема, бандиты намного опаснее. Если есть желание, то у нас в арсенале можно взять старые армейские образцы. Нет пока? Тогда пойдете обратно в Иммиграционный отдел, заберете все и расплатитесь. Следуйте за мной, прошу.

Девушка снова пошла впереди, крутя попкой и покачивая бедрами. Хорошенькая.

В общем, купил я карты, путеводители, часы Swatch. Хорошие такие, внушительные, вызывающие уважение добротностью изготовления.

Отказался от повторного приглашения посетить оружейку, сославшись на последнюю степень усталости, что в принципе было не так уж далеко от истины. Перепсиховал я как следует, так сказать точнее будет. Получил направления в местную гостиницу и бар и отправился туда.

А неплохо тут, культурно. Приятный дворик, кирпичные домики, даже фонтанчик со сквериком есть. О, а вот и гостиница. Вошел, постучал по звонку ресепшен. Из подсобки выглянул взъерошенный полный человек. С хорошим таким носом, армянским.

– О, простите. Котенка подарили переселенцы, а он вечно куда-нибудь да залезет. Никак не могу найти, волнуюсь. Здесь-то безопасно, а за забором его на один зуб местным хищникам не хватит. – Человек говорил на очень чистом русском языке с почти незаметным акцентом.

– Здравствуйте. Меня зовут Владимир. Это вы не его случайно ищете? – Я кивнул на сидящего на шкафу с ключами и вылизывающего себе самое ценное рыжего котенка.

– Точно! Ну ты, хулиган! – Армянин прижал зверя к груди, потрепал ему загривок и отпустил. Потом повернулся ко мне. – Извините, изнервничался, пока искал. Он от девушек из персонала базы убегает, затискали они его. Вам комнату? Есть с душем и с ванной. С душем десять, с ванной пятнадцать.

– Давайте с душем, мне покемарить, перекусить – и в путь. Только сначала перекусить, уже девять часов не ел. Девушки при встрече смеются из-за того, что в животе урчит. И чаю, черного. Есть у вас? – Я сбросил сумку с шильно-мыльными принадлежностями на пол.

– Чай есть, но он здесь в несколько раз дороже кофе. Из-за ленточки доставляем, здесь не растет. Правда, русские душицу наловчились выращивать и кипрей, по-моему, идет на ура. Заваривается так, что цвет почти черный, очень душистая смесь. Даже англичане покупают. Вы давайте, занимайте номер, и ко мне. А то сейчас персонал на обед набежит, не продохнуть будет. Меня, извините за невежливость, Арамом

зовут. – Мне протянули номерок с ключом.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, нашел номер. Не часто я в гостиницах ночевал, но эта оказалась очень неплоха. Уютно, светло, большая кровать, телевизор, вентилятор. Наскоро ополоснувшись, надел шорты, футболку, сандалии и пошел есть.

– Вот, пробуйте. Мясо антилопы с грибами и картошкой. Грибы здешние, с плантаций, шампиньоны. Привезли мицеллий, здесь выращивают. Картофель тоже здесь растим, фермеры по три урожая в год снимают. Антилопа недавно еще бегала. А это вместо чая, немцы варят.

Передо мной поставили большую тарелку с горой мяса, горкой грибов в сметанном соусе и горкой жареной, нарезанной крупными кусками картошки. Рядом – небольшое блюдо с тоже нарезанными крупными кусками овощами. Рядом поставили большущую кружку темного пива.

– Вот, приятного аппетита. Не возражаете, если рядом посижу? А то сегодня вы – первый переселенец. Правда, к вечеру и ночью еще должно прийти несколько партий, и одиночек ожидаем.

Ням-ням, чес слово! Пахнет-то как! Я с удовольствием принялся за еду. Посолил помидорку, попробовал. Очень вкусная, обожаю помидоры. А мясо во рту тает.

Арам подождал, пока я утолю голод, налил себе маленький фужер пива и подсел ко мне.

– Ну как вам?

– Замечательно! Просто потрясающе вкусно. Как вы здесь справляетесь, ведь говорят, что за эту неделю восемь тысяч человек здесь побывало? Кстати, как это такое количество людей через несколько этих самых Ворот успело пройти? Вроде не самая быстрая процедура? И как отправили отсюда в мир восемь тысяч человек? Это же минимум триста автобусов, если считать по сидячим местам.

– Вы знаете, у нас три площадки по десять Ворот, это кроме нашей. Украина есть, Чехия со Словакией, Польша, Болгария. Только Беларуси нет. Когда идет такой массовый ввоз людей, переселенцами обычно оказываются бедные. Те же сербы отдавали дома за бесценок, просто бежали от войны. Поэтому у меня за Воротами, в технической зоне, есть еще небольшое общежитие. Селю людей туда. Если здесь номер стоит десять экую в сутки, как ваш, например, или пятнадцать – это номер с ванной, то там стоимость ночевки три экую, но шесть коек в комнате, постель меняю только после отъезда постояльцев, телевизоров и музыкальных центров нет, душ и туалет общие на этаж. Но люди довольны. А кормлю в таких случаях с помощью администрации базы, они сухие пайки выделяют. Ну а я подбрасываю кофе, отвар трав, соки и фрукты – детям и женщинам, пиво – мужикам. Сербов отправили поездом. Четыре эшелона. Последний как раз перед вашим переходом ушел. Еле хватило вагонов. В общем, справляемся. Если не секрет, откуда вы прибыли, молодой человек? – Арам внимательно, но при этом доброже-

лательно посмотрел на меня.

– Из Ташкента. Угораздило попасться вербовщику, оказался нашим соседом. Ну и уговорил. Впрочем, я недолго сопротивлялся, но до конца все же не верил, что это правда. Скажите, как здесь вообще живется?

– Нормально, если человек любит работать. Понимаете, здесь все работают. Хозяева гостиниц, сотрудники Ордена, водители, старатели, моряки, шахтеры – все. Даже бандиты в большинстве своем пашут на ниве разбоя, негодяи проклятые, скорее бы их всех перевешали. И ведь выгодно здесь работать. Вот, например, я. Выплачиваю общий налог пятнадцать процентов с прибыли. И все. Ну разумеется, я подсуетился, сумел пробить разрешение на строительство отеля и бара, но факт-то остается фактом. Мне, что самое главное, не мешали. И не мешают. Ну разве пляжный ресторанчик особо нетерпеливые особы порой не по назначению ночью используют. В *той* России, в Санкт-Петербурге, замучили проверками, наездами, угрозами. Каждый прыщ пытался показать, какой он самый-самый. Здесь такого нет. Надоест мне здесь, продам бизнес и уеду в ту же Новую Одессу. Или в Форт-Ли. Или еще куда. Здесь хорошие люди везде необходимы. Потому что нас здесь мало. Зато если ты дерьмо в душе, то это моментально вычисляется. Кстати, даже если человек уж совсем нехороший, но при этом не совершил преступлений, то его за ворота городка или поселка выставят только утром. Ночи здесь очень опасные. Ладно, утомил я вас, наверное.

Отдыхать будете? Через час стемнеет.

– Нет, прогуляться хочу, это же прибой слышен? Давно на море не был. – Мне уже давненько не давал покоя этот ритмичный, звучащий на грани восприятия грохот.

– Да, прямо за дверью повернете направо и идите по дорожке, огражденной белыми кирпичами. Только это не море, а Залив. В воду пока, смотрите, не лезьте. Вы человек здесь новый, опасных моллюсков и много чего еще не знаете. Зачем рисковать? Лучше просто на закат посмотрите, на него у нас полбазы постоянно смотрит. Погодите, вот, возьмите с собой. А то закат без пива – не закат.

Мне протянули упаковку из четырех трехсоттридцатиграммовых бутылок пива. Вроде по-немецки написано на этикетках.

Пройдя по выложенной тротуарной плиткой дорожке, огражденной поставленными на ребро силикатными кирпичами, я попал на небольшой песчаный пляж. Чуть поодаль волны с гулким плюхом били в небольшие скалы берега. Пляж с правой стороны завершался пляжным ресторанчиком, солидной такой террасой на сваях. За пляжем, метрах в восьмистах, виднелись относительно небольшие причалы и стоял портовый кран. Еще дальше начинались склады и прочие хозяйственные строения из рифленого железа.

Я прошел мимо расположившихся на шезлонгах парочек и уселся на обломок скалы, подставив лицо летящим брызгам. Облизнул моментально повлажневшие губы. Чуть со-

лоновато, как в пустынных колодцах. По-моему, эту воду пить можно, если сильно подопрет. Невкусно, конечно, но не смертельно. Но зачем пить соленую воду, если мне дали пиво?

Откинувшись на еще горячий камень, я прихлебывал из горлышка запотевшей бутылки чуть горьковатый напиток. Он прекрасно оттенял мое настроение. Восхитительно, но немного печально.

Огромное солнце медленно опускалось за горизонт где-то над континентом, погружая в темноту и воду, и берег. Сильный ветер дул в лицо. Как его называют? Пассат? Или муссон? В принципе какая разница, если он так здорово холодит промокшую майку.

Ладно, пойду покемарю до утра. Да и книжки почитать нужно. Я взял пустые бутылки, встал с камня и пошел в отель. По дороге выкинул бутылки в небольшой зеленый пластиковый мусорный бак с переворачивающейся крышкой.

У Арама попросил газету с информацией о торговых операциях и получил оную, но за прошлую неделю. Такая толстушка вроде «Из рук в руки». Нужно цену на инструмент прикинуть.

В номере снова влез под душ, основательно постоял под почти кипятком, побрился, ополоснулся уже ледяной водичкой, растер ставшую гусиной кожу белым махровым полотенцем, оделся, взял пакет с грязным бельем, отнес в конец

коридора, в небольшую хозяйственную комнату. Как и сказал Арам, там стояли стиральные машинки-автоматы.

Забросил в одну из них вещи, засыпал порошок и раскислитель, включил на максимально тщательную стирку и отжим, после чего пошел в номер. Два часа у меня имелось.

Завалившись на кровать, достал первую брошюрку-путеводитель, ею оказалась так называемая «Памятка переселенца». Надо полистать, посмотреть, что и как.

Дочитал до слов: «Ордену, несмотря на это, удастся сохранять нейтралитет и оставаться над схваткой. Все стороны, втянутые в конфликты, знают, что Орден работает на каждого поселенца, независимо от цвета кожи, убеждений и веры...»

Хм... прям благодать какая-то. Нужно будет в миру переговорить с сотней-другой людей, порасспросить. Потом прожить пару лет, тогда уже можно делать выводы. Так, что там дальше?

В разделе «Хищники и опасные животные» просмотрел картинки страшилищ, по ошибке именуемых дикими хищниками. Мама дорогая, это что за ужасы? И это назвали гиеной? Тигрокрыс копытный скорее, причем очень породистый. Или эта милая ящерка, именуемая «каменным вараном». Прошелся по комнате, прикинул ее размеры. Получилось, что ящерка выглянет в окно, еще окончательно не войдя в дверь. Да уж, фауна. Впрочем, имелись и антилопы, и рогачи, одна внушительная черепушка представителя отря-

да роконосцев была прибита над дверью бара.

Так, а что у нас с ядовитыми тварями? О, тоже полный набор. Змеи, большущие. Но какие красивые они на этих фотках. Знакомый серпентолог из Ташкентского зоопарка отдал бы свои любимые очки, чтобы на них вживую посмотреть. Интересное местечко.

Всякие-разные насекомые. Кусают, откладывают яйца. Местные кровососы тоже имеются. Некоторые очень неприятные, но ареал их обитания находится южнее Залива.

Так, а где у нас Россия? Я развернул карту. Похоже на какой-то перешеек, проход между материками. Россия, получается, расположена где-то на краю населенных земель, да еще Чечню под бок подложили. Н-да. Далековато. Но дорога в тысячу миль начинается с первого шага. Правда, здесь миль несколько больше.

Посмотрел на часы, пошел в бытовку, вытащил из машинного чрева выстиранные тряпки и развесил на небольшом балкончике на специально растянутой проволоке.

Пошел в номер, включил в музыкальном центре радио, нашел волну со спокойной и неторопливой музыкой в стиле кантри, сделал минимальную громкость. Поглядел на часы. Двадцать шесть часов сорок семь минут. Непривычно как!

Просмотрел газету, статьи в ней были в основном по-английски, нашел пару номеров телефонов фирмочек в Порто-Франко, которые занимались продажей инструмента, сальников, подшипников и прочей металлической мелочи.

Посмотрел цену на некоторые фрезы и токарные резцы, примерно перевел ее на возможные цены другого инструмента. Не поленился, встал и взял блокнот, сделал приблизительную раскладку, убрал четверть стоимости на опт. А неплохо может выйти, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

И завалился спать.

Утром встал впотьмах, в три сорок, когда еще не рассвело. Негромко играла музыка. Как неудобно. У меня с моим режимом все через голову летит. Привык я жить по расписанию. Подъем, завтрак, работа, дом – все по графику. Даже в выходные без будильника вставал. Теперь придется отвыкать. Но с другой стороны, длинный день – это здорово. И отдохнуть можно, и поработать.

Я пошел в душ. Умывшись, спустился в бар. Несмотря на очень раннее утро, бар был открыт. За стойкой стояла блондинка средних лет.

– Здравствуйте. Кофе можно? Черный, без сахара. И пару каких-нибудь пирожных или булочек?

– Доброе утро. Сейчас все будет. Вы ведь новичок, верно?

Женщина запустила кофемолку, приготовила из свежемолотых обжаренных зерен кофе. Запах пошел на весь зал. Это днем народу много, все что-то пьют и едят, запахи смешиваются. А тут – вкусный дух отменного черного кофе в ночном воздухе. Обалдеть! В открытые окна вливалась ночная свежесть. За окном стояла тишина. Слышались крики неизвестных ночных птиц. Вдалеке проревело какое-то живот-

ное. На моих электронных часах было четыре часа утра. По идее рассвет еще не скоро.

Выпил пару чашек кофе, съел пару горячих сдобных булочек, подошел к занимающейся чем-то за стойкой женщине и спросил насчет оружейки.

– О, а она уже открыта. Лена туда переселенку повела, новенькую. Так что идите, там вечером оружие загрузили, завезли с американской базы.

Я и пошел – по влажному от утренней росы асфальту. Чувствовалось присутствие рядом большой воды: воздух влажный и йодом пахнет. За забором глухо и злобно выла какая-то животина.

Подойдя к броняхе, отделяющей гражданскую часть базы от служебной, я нажал на кнопку селектора и объяснил дежурному, чего хочу. Щелкнул электрический замок, дверь приоткрылась.

Меня встретила полноватая шатенка с собранными в хвост длинными волосами, в форменном брючном костюме и с неизменной кобурой на поясе. Провела до дверей арсенала, распахнула их, крикнула внутрь, что привела клиента, и отступила в сторону. Когда я прошел и поблагодарил ее, женщина громко и с чувством зевнула и вернулась на прежнее место.

Сам арсенал оказался невеликим, обычный бетонный бункер с неотделанными стенами, потолком и полом из плит. В пирамидах стояло несколько сотен американских M16 и

каких-то еще винтовок.

Но меня намного больше заинтересовала посетительница арсенала. Молодая девушка, если судить по обрывкам негромкого разговора ее и Елены – русская. Довольно высокая, стройная, но не худая, а крепко и ладно сбитая. Как говорил мой дед, «ладно скроенная и крепко сшитая». С красивыми и густыми бронзово-рыжими волосами, собранными в «конский хвост», опускающийся ниже лопаток. С темными глазами, вроде бы синими. Красивое и нежное лицо было явно утомленным из-за каких-то переживаний. Что интересно, девушка оказалась без косметики, вообще. И видно было, что ей жарко, потому что она периодически помахивала на себя ладошкой.

Девушка была одета в красную шелковую блузку, черную юбку чуть ниже колена. На ногах – сапоги, на верстаке лежал небрежно брошенный пиджачок. Точно, создавалось такое впечатление, что девушка прибыла из России, где уже холодно, и не успела полностью переодеться, только шубку и шапочку где-то оставила. На пальце блестело камешком колечко, такие же камешки мерцали в маленьких аккуратных ушках.

И держала эта особа переломленную винтовку М16, явно изучая ее устройство. А на верстаке перед ней лежали кобура с пистолетом и аккуратно сложенные магазины от винтовки и пистолета. Там же виднелось чистое белое полотенце со следами от ружейного масла.

Девушка, похоже, почувствовала, что я ее исподтишка разглядываю, и недовольно стрельнула глазами в мою сторону.

Лена, которая принимала меня в этом мире, «акушерка рожденного в новый мир», так сказать, повернулась ко мне и предложила пройти вдоль пирамид и выбрать оружие самому.

А что тут особо выбирать-то? Практически все М16, и даже несколько М1 «Гаранд», если судить по карточкам над винтовками. Жаль, АКМ нет или РПК. Впрочем, АК-74 и его модификации тоже подошли бы. Хотя М16 состоит на вооружении многих не самых бедных стран с умными генералами, но как-то хочется приобрести оружие попривычнее. Да и по словам наших офицеров, повоевавших в Афгане, М16 и песок не очень дружат. Хотя калаш с песком совсем не дружит.

Впрочем, нет, вот какие-то Ar-10. Похожи на М16, но калибр-то другой. 7,62 на 51. НАТО. А это совсем другая песня против крупных животных. Этих винтовок было всего две, одна явно старая, но из ремонта, а вторая новенькая. Но цена над ними стояла – по пятьсот пятьдесят экю. Я взял обе, положил на стол и стал разглядывать. Хм... а это интересно. Почему-то у одной нет автоматического режима. И магазины разные, хотя вроде к обеим винтовкам подходят.

Посмотрев на девушек, я заметил, что рыжая занялась пистолетом – надевала его на нейлоновый ремень. Позвал брюнетку:

– Елена, вы позволите вас потревожить? Не подскажете, что это за машинки?

– Это Ar-10, просто одна – старая, времен Вьетнамской войны, а вторая – современная гражданская версия. Наверное, обе из трофеев, потому что американцы их сюда централизованно не ввозят. Правда, магазинов к этим винтовкам по дюжине на каждую, хоть и разных фирм, вразнобой. Сами видите, даже стальные разных моделей. Довольно капризное оружие, но только по сравнению с «калашниковым». Зато винтовка мощная и точная, особенно гражданская версия. Что скажете? Кстати, на гражданскую без особых трудностей можно и оптику поставить.

– Я еще погляжу, хорошо? Пистолеты и остальное.

Лена кивнула и прошла к незнакомке, а я пошел по всему помещению. Ого, гранаты в коробке. А рядом коробка с запалами. Отобрал четыре непонятно как попавшие сюда РГО, нашел запалы для них, положил рядом с винтовками. Поглядел на ряд мосинок. Покачал головой и пошел к верстаку с пистолетами.

ПМ, АПС, ТТ. Знакомые все лица. Даже ПСМ лежит. И недорого, что интересно, всего сто пятьдесят эю. Купить, что ли, как оружие последнего шанса? О, а это что?

Я взял в руки тяжелый и крупный черный пистолет. Покрутил. Похож на «беретту», с которой Брюс Уиллис носится фильмах, но надпись на затворе «Таурас 9 мм. Люгер». Если я правильно помню, это основной калибр стран НАТО,

да и в России сейчас он принимается как основной пистолетный. Выщелкнул пустой магазин, передернул затвор. Пистолет сочно так щелкнул. Посмотрел на предохранители с обеих сторон, подумал и спросил у Елены:

– Лена, на «макарове» на предохранительный взвод предохранитель вверх нужно двигать, а здесь как?

– Опустите его вниз. В этой модели движением предохранителя вниз вы полностью спускаете курок с боевого взвода. А потом можете стрелять самовзводом.

Я двинул рычаг предохранителя, щелкнул курок. Нажал на спуск, пистолет снова щелкнул вхолостую. Ладно, это оружие вредно – вхолостую щелкать. Загнал магазин в рукоять, отнес пистолет к винтовкам и гранатам. Взял также лежащие на столе пять магазинов в нейлоновых подсумках для этого пистолета. Снова вернулся к винтовкам. И что предпочесть? Автоматический режим или более новую, точнее, практически новую самозарядку? С другой стороны, патрон мощный, а винтовка относительно легкая, даже короткой очередью так мотанет, что мало не покажется. А патронов в магазине всего двадцать. Да, кстати, а сколько стоят патроны?

– Не скажете, Елена, почему у вас патроны? – Это не я. Это рыженькая девушка поинтересовалась.

– Все, которые здесь есть, идут по сорок центов за патрон. То есть за сотню – сорок экю. Не важно, пистолетные или винтовочные.

Ого! Вот это цена, хотя, с другой стороны, мне ребята из

России рассказывали, что у них в оружейных магазинах патрон 5,56×45 стоит что-то в районе пятидесяти рублей. То есть почти два доллара. Если так считать, то здесь патроны явно подешевле, стоят чуть меньше чем полтора доллара.

– Извините, Елена, а вы как разрешение на покупку выдадите? Что, прямо сейчас проведете через какую-то базу данных?

– Нет, никаких разрешений на покупку стрелкового оружия не надо. Кроме того, оно даже никак не регистрируется. Оружие считается необходимым инструментом для освоения нашего мира. Разумеется, это не снимает ответственности с человека, который владеет оружием, ибо противоправные действия совершает человек, а не пистолет. – Елена усмехнулась каким-то своим мыслям.

В общем, купил я гражданскую винтовку, десять магазинов к ней, «таурас» и пяток пистолетных магазинов. Плюс четыре РГО, пятьсот американских винтовочных патронов М59 и двести пистолетных барнаульских 9×19. Сложил все это в подаренную сумку вместе с полузадушенной жабой (еще бы, тысячу семьсот двадцать пять экю заплатил. Это сколько же сербы здесь оставили?).

Девушка тоже закончила расчеты, но гранаты она брать не стала. Также сложила все в сумку, с трудом приподняла ее.

– Извините, девушка. Позвольте. – Я подхватил сумку. Взял в другую руку свою и пошел вперед. Поставил сумки перед дверью, придержал ее, выпуская девушек, но Елена

покачала головой и помахала у меня перед носом ключами. Вышел вслед за рыжей, направился за ней по корридору, попал на стоянку.

Возле моего «Егеря» стояла новенькая красная «тойота», которая RAV 4, с новеньким же тентованным прицепом-двухосником.

Девушка нажала на брелок сигнализации, машина коротко пискнула и приветливо моргнула фарами. Незнакомка открыла багажник, в который я и забросил ее сумку.

– Спасибо. Дальше я сама, провожать меня не стоит.

Надо же, как вежливо отшили. Я посмотрел вслед уходящей знакомке. Классная фигурка!

Подошел к «Егерю» и положил сумку. Все равно сейчас ничего пристреливать нельзя до десяти часов утра. Потом откроют небольшое стрельбище над арсеналом, пристреляю все пистолеты (точнее, попробую из них во что-либо попасть. Это же не армейский «макаров», из которого я сделал десяток выстрелов, и не спортивный «марголин», по стрельбе из которого у меня третий разряд) и винтовку с автоматом. Хоть по сотне выстрелов из каждой длинной штуки надо сделать, не зря здесь так оружие продают, совсем не зря.

...Солнце всходит... Так, пойду-ка я пивка попью у Агнешки. Посидев в баре и выпив кружку пива, поднялся к себе в номер, включил телевизор. Поцелкал каналами – всего три штуки, или, учитывая то, что это Новый Мир, целых три штуки. Все каналы были англоязычными, но внизу шли суб-

титры на русском, немецком и испанском языках. Прямо так, в три строчки. Только русский был в самом низу.

По одному каналу начался старый фильм-вестерн, я стал смотреть, и меня настолько захватила незамысловатая история, что с кровати я поднялся только после его завершения. Посмотрел на часы, уже одиннадцатый.

Нацепил старую кепку-восьмиклинку и пошел на стрельбище. Сбежал вниз по лестнице, столкнулся с рыжей девушкой. Столкнулся хорошо, едва успел ее подхватить. Она, кстати, переоделась. Сейчас на ней были светло-синие джинсы и серенькая майка. На ногах серенькие же кроссовки.

– Ой, извините, ради бога. Ничего я вам не отдал? – Надо же, как неудачно, таким слонем себя выставил.

Агнешка хихикала за стойкой, протирая и без того чистый стакан. Сидящие в зале люди с интересом смотрели на нас.

Девушка зло на меня глянула, фыркнула, отвернулась. Осмотрела себя в высоком зеркале у входа, повернулась ко мне и произнесла:

– Ну что вы как носорог несетесь, не разбирая дороги. Осторожнее надо быть. – Потом глянула на меня и спросила: – Если не секрет, куда вы собрались?

– Пострелять, поскольку здесь можно. Вон как раз стреляют, слышите? – Со стороны арсенала доносились хлопки.

– Если можно, помогите мне донести туда сумку с оружием, пожалуйста. Вы же все равно туда идете. – Девушка глянула мне в глаза и улыбнулась впервые за это время. Хорошо

так, чисто, сверкнув ровными зубками.

А глаза-то у нее ярко-синие. И множество мелких веснушек рассыпано вокруг симпатичного, чуть курносого носика.

– Хорошо. Меня и здесь зовут Владимиром. Можете называть хоть Володей, хоть Вованом, не обижусь.

– А Вовой можно?

Я утвердительно кивнул.

– Вы так точно сказали: «Здесь зовут». Здесь меня зовут Элис О’Перли. – Девушка задумчиво шла рядом. – И если вы вздумаете пошутить на счет «пёрли» или «спёрли», то наше знакомство на этом и закончится.

Я прикусил язык, радуясь тому, что не ляпнул эту самую просившуюся на язык шутку.

Пройдя к машинам, вытащил оружие из «тойоты» и из «Егеря». И поволок сумки наверх по выложенной красным кирпичом дорожке.

Само стрельбище оказалось довольно плотно забито орденами, других здесь не было. Старший по стрельбищу, такой коренастый и брюхатый мужик с неизменным пистолетом на поясе (пистолет из-под складок жира можно было разглядеть с большим трудом) и в насквозь промокшей форменной рубашке срезал нам пломбы на сумках. Потом показал два места на небрежно покрашенном длинном столе, разделенном невысокими перегородками. Предложил наушники по пять экю за штуку.

Я купил парочку, протянул наушники в целлофановой упаковке Элис, занятой набиванием магазинов к М16. Какие красивые и сильные у нее руки. Она кивнула и протянула мне пластиковую пятерку.

– Берите. Иначе пойду и куплю сама, будете глупо выглядеть. – Новая знакомая требовательно посмотрела мне в глаза.

Ну не хватало того, чтобы из-за денег ссориться с красивой девушкой. Я забрал купюру.

– Вам помочь? – кивнул на магазины.

– Нет, спасибо, мне нужно учиться делать это самой. – Девушка взяла из разорванной пластиковой упаковки патроны.

Я встал на свое место, достал ТТ и «Солотурн» из первой сумки, положил на стол снаряженные еще в Ташкенте магазины. Прицепил мишень на подвижный вертикальный щит, отогнал метров на двадцать. Вообще богатое стрельбище. Рельсовые дорожки с укрепленными щитами для мишеней напротив каждого номера, щиты управляются с самого места стрельбы.

Передернул затвор ТТ, встал в правостороннюю однуручную стойку, прицелился и отстрелял один за другим восемь патронов. Посмотрел в бинокль – ну, по крайней мере в самую мишень попал. Заменял опустевший магазин на полный, развернулся левым боком чуть вперед, правую руку поднял вперед и вверх, левой снизу обхватил правую. Еще восемь выстрелов в эту же мишень.

Так, вроде снова не промазал. Подогнал к себе держатель, заменил мишень на новую и отправил ее в самый конец стрельбища.

Сбоку звонко захлопала М16. Это Элис начала расстреливать свою мишень, отъехавшую метров на семьдесят. Я тайком взглянул на симпатичную оттопыренную попку, обтянутую светлыми джинсами. Элис стояла, облокотившись локтями на стол, очень возбуждающее зрелище. Ух, я передернул плечами и вернулся к автомату.

Загнал сбоку магазин, передернул затвор и короткими очередями расстрелял все тридцать патронов. На самом деле скорострельность заметно ниже, чем у калаша, а по сравнению с доносящимися от первых номеров очередями из М16 ниже вообще раза в два.

Потом последовал черед «таураса» и Ar-10. Из пистолета я отстрелял тоже два магазина, а из винтовки один. И больше не стал.

Не потому, что не понравилось, наоборот. Просто жаба стала душить – чего зря переводить патроны на бумагу. Очень точная винтовка оказалась. Единственное, что не понравилось, – пока взвел затвор сверху, замучился. И чего не сделали рукоять заряжания с правого боку, как у «калашникова»? Впрочем, наверное, просто непривычно.

А вот с чисткой оружия я лажанулся. Даже не подумал про шомполы, пришлось у толстяка покупать и пистолетные, и для винтаря, хорошо, что были. Потом снарядил опустевшие

магазины, сложил их в сумки. Неудобняк, кстати, где я разгрузку для этих магазинов буду брать?

Элис тем временем почистила винтовку и пистолет. Пистоль у нее оказался знаменитый – «Браунинг НР», причем бельгийский, послевоенного выпуска.

Дождавшись, пока у меня опечатают сумки с оружием, Элис попросила помочь перенести ее сумки.

Когда мы вышли из брони, я, набравшись смелости, пригласил ее прогуляться – посидеть на пляже.

– Хорошо. Но только посидеть. Сама туда сходить хотела. – Она лукаво посмотрела на меня.

– Эх. Ну ладно, хоть в обществе красивой девушки на пляже покажусь. Секундочку... – Я открыл дверь «Егеря», забросил сумки на заднее сиденье.

Подошел к «тойоте», положил сумку Элис в багажник. Подождал, пока она возьмет небольшой пакет из салона и закроет машину, и мы пошли в отель, болтая по дороге о пустяках. И никак я не мог понять, чего это она так весело на меня смотрит?

Когда зашли в бар, Арам с интересом спросил у меня:

– Володя, а почему вы наушники не снимете?

Я схватился за голову. Ну точно, как на стрельбище нацепил поверх кепки, так и носил с тех пор. То-то Элис посмеивалась. Народ вокруг добродушно засмеялся, глядя на мое ошарашенное лицо. Ну с другой стороны, иногда вот таким недотепой перед девушкой и полезно выставиться.

– Извините, я сейчас наушники положу и спущусь, – обратился к смеющейся вместе с посетителями бара Элис.

– Ничего, мне тоже надо носик попудрить, – весело отозвалась она. – Да и переодеться придется, а то маечка намочила от пота, это только в рекламах дезодорантов девчонки не потеют.

И девушка побежала вверх по лестнице. Нет, на самом деле, великолепная фигурка!

Я пошел следом. Кинул «причину смеха» на кровать, зашел в ванну, вымыл руки, умылся, надел чистую майку и отправился вниз.

Там подошел к Араму за стойкой и спросил чего-нибудь полегче и повкуснее из спиртных напитков и чего-нибудь из легкой закуски, чтобы взять с собой.

– Володь, я тебе положу картошку фри, кусочки рыбы во фритюре и чизкейк кусочками, хорошо? А вино с девушкой обсуждай, хотя рекомендую «вишневку». Кстати, вон она идет. А что вы, в ресторанчике там посидеть не хотите? – Арам кивнул мне за спину.

В результате консультации с Элис ресторан был отвергнут, меню оказалось в общем одобрено (интересно, чизкейк – это что? Вроде сырный пирог какой-то) и выбрана бутылка «вишневки». Так что мне пришлось тащить большой пакет. Что, в общем-то, и соответствовало моим замыслам.

На берегу уселись на камнях, приблизительно в том же месте, где я сидел вчера.

Из пакета достал свернутую бумажную скатерть, расстелил на плоском камне, прижал камушками, чтобы не сдуло ветром. Достал бумажные коробочки с картошкой, рыбой и пирогом, небольшие бутылочки кетчупа и острого соуса. Потом достал два стеклянных фужера, открыл штопором бутылку вина, разлил по фужерам.

Элис в это время сидела на камне, подтянув коленки к подбородку и обхватив их руками, и смотрела на залив. Сегодня ветер был чуть потише, и брызги от волн почти не долетали до нас. Зеленые волны отражались в синих глазах девушки.

– Ну за знакомство? – Я подал ей фужер с вином.

– И на брудершафт. – Девушка с улыбкой посмотрела на меня.

Хм... я никогда так не пил, но попробуем.

Переплетя руки, мы выпили по глотку вина, Элис потянулась по мне и поцеловала в губы. Коротко так, но вкусно! И губы у нее пахли вишней от вина и клубникой от помады.

– Ну как, вкусная? – заметив, что я облизал губы, спросила она.

– Не распробовал, – ответил, улыбнувшись.

– Ну хорошего помаленьку, – накальвая заточенной палочкой кусочек рыбы, заметила девушка.

Я последовал ее примеру. М-да, а ведь я проголодался. Впрочем, как и моя новая знакомая.

Элис ела с большим аппетитом, отдавая должное и рыбе, и

картошке, и пирогу. А я ел все медленнее и медленнее. Ибо у меня начал болеть зуб, причем моментально, превратив челюсть в пульсирующую область боли. Даже нежную картошку и то разжевать не мог.

Блин, ну какой облом, а? Пригласил понравившуюся девушку на свидание, и скоро по этим скалам начну лазить от зубной боли! Да еще чайки эти местные разорались, увидев жратву. Я-то думал, почему это местные так над нами посмеиваются, а тут вот оно что, эти гримзы летучие скоро из рук еду вырывать будут.

Я с раздражением отбросил кусок нежнейшей рыбы в сторону, и он даже на землю не упал, его на лету подхватили и съели.

– Вова, ты чего? Что стряслось? – встревоженно поинтересовалась Элис.

Ну вот, девушку напугал. Видимо, здорово рожу у меня перекосило. Ым, зараза, как дергает. А ведь я довольно терпеливый.

– Зуб разболелся. Нужно пойти таблетку выпить. – Я дотронулся языком до десны в районе зуба и взвыл. Естественно. Нет, ну что это такое!

– Нужно к зубному идти. Я знаю, он здесь есть, мне Лена рассказала. Они на базе оказывают переселенцам медицинскую помощь. Пошли. – Эллис решительно встала, собрала всю еду в одну коробочку, подошла к воде и высыпала ее.

Вода тут же вскипела от нырнувших за дармовщинкой зу-

бастых чаек.

Тем временем Элис собрала все в пакет и решительно потянула меня за руку.

– Ты чего, Вова?

– Ты знаешь, смеяться будешь, но я зубных врачей до ужа-са боюсь. – Я держался за щеку. Хоть и не помогало, но морально становилось легче.

– Не буду, у меня папа всю жизнь их боялся, его мама в клинику водила. Ничего, сейчас обезболивание хорошее, и машинки с высокими оборотами, ничего не почувствуешь. Пошли.

И я как маленький пошел за ней.

Придя в отель, спросили у Арама, где здесь принимает зубной. Оказалось, что в бункере около банка, в общем мед-блоке.

– Ну как, сам пойдешь или мне проводить? – спросила Элис.

– Да сам, сам. Иду уже, – проверяя, на месте ли АйДи, ответил я.

Как сказал Арам, лечение зубов, мелкие операции вроде аппендицита и прочее проводилось на базе для переселенцев бесплатно. Но поскольку добираться от обжитых мест до ближайшей базы Ордена было совсем непросто, да и недешево, то люди обычно лечились на месте.

Опять зашел в административный блок, объяснил встретившей меня девушке, в чем дело, и был препровожден вниз,

в тот же коридор, где мне делали прививки. Короче, провели меня подальше по коридору и оставили на оббитой белым пластиком скамье перед дверью.

Там, за дверью, жужжала бормашина, и время от времени слышались ойканья и айканья. Что поднятию моего настроения никак не способствовало.

Из-за двери выглянул крепкий такой боровичок в зеленом халате, посмотрел на меня.

– Ну что, проходите, больной. Садитесь, откройте ротик. Так. Та-ак, замечательно. Похоже, кариес. И из-за этого воспалилась пульпа, и, возможно, образовалась киста. Такое часто бывает, там простыли, здесь прививки сделали, иммунитет временно понизился, и зубки начали болеть. А я их лечу. Ну или удаляю. Давайте сюда вашу АйДи, запишем.

Он забрал у меня протянутую карточку и начал что-то быстро строчить в журнале, а потом стучать клавишами компьютера. Посмотрел на сидящего в кресле пациента, «успокоил» его:

– Не торопитесь, у нас еще есть пять минут. Вот заморозка полностью возьмет вашу челюсть, и мы выдернем этот нехороший нерв у такого хорошего зубика. А вы, больной, откройте ротик.

Врач достал шприц в упаковке, какие-то ампулы, положил их на сияющий хромом столик и, напевая, пошел мыть руки.

– Так, сейчас мы вам укольчик сделаем, и вы ничего не будете чувствовать. Ну-ка... – Он повернулся ко мне, дер-

жа шприц в руках. Обратил внимание на мой бледный вид и сказал: – Если боитесь, закройте глазки. А то я сам себя порой боюсь.

В общем, сделал мне укол и посадил в коридоре, ждать. Потихоньку вся челюсть онемела, даже язык наполовину перестал ворочаться.

Распахнулась дверь, и из нее вышел молодой мужик в форме Ордена.

– Проходите, – кивнул он мне.

Я вошел, доктор, жизнерадостно напевая, возился с инструментами, брякая железом в боксе из нержавеющей стали. Повернулся ко мне, держа в руках жуткого вида клещи.

– Так, садитесь. Посмотрим-посмотрим. – Он пару раз щелкнул щипцами, вызвал у меня душевный трепет и полез смотреть мою челюсть.

Через пятнадцать минут я вышел из кабинета с облегчением в душе и минус одним зубом в челюсти. Зубами прижимал марлевый тампон с местным препаратом, сделанным на основе местного же мумиё. Мне сказали, что очень хорошо способствует заживлению.

Сел в коридоре на скамью, посидел, отдыхая от стресса. Неприятная штука, когда зубы дергают. Хоть почти и не больно, но как будто половину челюсти выломали.

Посмотрел на часы. Ни хрена себе! Больше часа провозился с этими зубами, почти полтора. Пора идти наверх.

Попрощался с дежурной Ордена, вышел в скверик. Про-

шел метров пятьдесят и остановился, привлеченный недовольным голосом Элис:

– Вы что, с ума сошли? Отпустите немедленно, сволочи!

– Да ладно, бикса, не пыли. Подумаешь, попользуем твой станок! – послышался грубый молодой голос явно выпившего парня. И смех еще как минимум одного.

Это что такое? Я рванул на голоса.

За буйно разросшейся зеленой изгородью возле высокого бетонного забора с колючей проволокой три парня пытались разложить Элис прямо на пыльной траве. Двое держали ее за руки и зажимали рот, а третий стягивал тесные джинсы.

Я, как хороший футболист, пробивающий пенальти, с разбега пнул мерзавца ногой в бок, под занятую джинсами и трусиками девушки правую руку. Хорошо пнул, аж треск ломающихся ребер послышался, а ногу прострелило отдачей. Гаденыш отлетел к забору и замер.

А я с разбега перепрыгнул полуобнаженные ноги Элис (а она на самом деле рыженькая! Куда смотришь, дурень!) и остановился, повернувшись к выродкам. Правый от неожиданности отпустил девушку, и та громко закричала.

– Помогите, насилуют!!! На пом... – Первый попытался было зажать ей рот, но отдернул руку и выругался. На ладони у него остались кровавые следы от укуса.

– Ах ты, дрянь! Сука!!! – Эта мразь ударила Элис кулаком по лицу.

Второй парень встал и, играя ножом-бабочкой, пошел ко

мне.

– Ну что, толстый, решил в героя поиграть? Щас я тебя поцоцаю на ленточки.

Ну почему моя внешность этим идиотам никогда не внушает почтения? Вроде здоровый, тяжелый, а они вечно лезут?

– Я не толстый, я милый. – В моей правой руке повисла полуметровая цепочка с ключами от старого дома, граммов семьдесят – восемьдесят. Цепь стальная, а ключи – старинные. Полковнику я дедов комплект отдал. Цепочку когда-то собрал из выпрямленных гроверных шайб, а ключей на ней кроме домашних, еще от замков на работе и от оружейного сейфа висело пять штук.

К тому же из моих ключей неплохой кистень получается. Я крутанул ими перед собой, превратив связку на цепочке в прозрачный круг, и пошел вокруг лежащей до сих пор Элис навстречу этим уродам. Убью на фиг, давно я не испытывал такой ярости.

– Всем стоять, не двигаться!!! Стреляем без предупреждения!!! – звонкий девичий голос, раздавшийся сзади, стегнул по нервам.

Урод с ножом замер, медленно протянул руку вбок и бросил нож. Я остановил кистень, ключи повисли на цепочке. Медленно поднял руки вверх и повернулся. Сзади стояли две незнакомые девушки в форме Ордена, обе держали в руках пистолеты. К нам бежали люди.

Элис сидела и плакала, одной рукой пыталась подтянуть брюки, а другой растирала по лицу слезы и кровь, сочащуюся из разбитой губы.

Потом мне заломили руки за спину, надели пластиковые наручники и куда-то отвели. В другую от этих уродов сторону. Элис тоже подняли и, поддерживая с двух сторон, повели куда-то две девушки в форме. А уroda, которого я лягнул, понесли на носилках.

Я сидел на табурете перед столом, щурил глаза от направленного мне в лицо света лампы и уже в пятый раз повторял свой рассказ недовольному служащему непонятного чина и звания, но тут дверь открылась, и вошла высокая худощавая женщина лет сорока.

Допрашивавший меня тип моментально встал чуть ли не по стойке «смирно».

– Разрежьте наручники этому молодому человеку, – раздался резкий командный голос. Говорила женщина немного с акцентом, что здесь совсем не было странным.

Я встал с табурета, растирая затекшие руки. Сколько я здесь просидел? Часа два-три? Часы с руки сразу сняли, ремень вытащили из джинсов, да и вообще вычистили все мои карманы. Вон содержимое, разложенное на кучки, лежит на столе.

– Произошел очень неприятный инцидент. К сожалению, такое иногда бывает, не зря все наши сотрудники во время службы носят оружие. Но инцидент уже улажен, вы можете

быть свободны.

Я подошел к столу, забрал ремень, документы и деньги, положил в карман ключи.

– Извините, а для чего вам эти ключи? Ведь вы никогда не сможете ими воспользоваться? – поинтересовалась дама.

– На память. – Я пересчитал деньги. Вроде все. Повернулся к ней.

– С девушкой все в порядке? – Если честно, меня это волновало больше всего.

– Да, не переживайте, небольшой ушиб и стресс. Гораздо хуже сейчас тому, кого вы так ловко приложили. Три ребра сломаны, повреждения серьезные. Как он дорогу до Порто-Франко перенесет, неясно.

– Извините, а вы что их – отпускаете? – Я ошеломленно уставился на женщину.

– Не выпускаем, а выставляем. К сожалению, это место не просматривается камерами внешнего наблюдения. Поэтому у нас были ваши слова против их слов. А девушка находилась в глубоком шоке. По их словам, они наткнулись на вас, когда вы пытались заняться любовью, и вы настолько рассвирепели от того, что они мешали, что полезли в драку, а девушка вас просто выгораживает. Но после посещения зубного врача вряд ли у вас так гуляли гормоны, что вы полезли на свою девушку прямо в кустах, хотя у вас два номера в отеле. Завтра с утра в восемь часов преступников выведут за ворота базы. Скоро стемнеет, а на ночь мы никого не выгоняем.

Идите, вы свободны. Помните, у вас еще почти двое суток, которые вы можете провести здесь.

Выйдя на солнечную улицу, я зажмурился. И где же все? Почему никто не встречает освобожденного героя? Я пошел в отель.

Войдя в бар, первым делом направился к Араму, который довольно заулыбался мне из-за стойки.

– Вах, молодец! Какой молодец! Так и надо, умница! – Арам вышел и обнял меня. Похлопал по спине мягкой, но тяжелой ладонью.

– Арам, а где Элис? Что с ней?

– Спит она у себя в номере сейчас. Ее девушки из медблока привели и уложили. Перенервничала, бедняжка. А этих гопников я из отеля выставил. Пусть у себя в машине ночуют. Хоть они и отбрехались, но очень жаль, что мы сейчас не в Техасе. Там за такое оскорбление белой женщины пристрелят на месте.

– А как они отбрехались? Разве такое возможно?

Жаль, не дали мне их додавить. Я ведь только с виду добрый и пушистый. Кулаками махать умею, и не только ими.

– Хорошо очень у них язык подвешен, сразу видно нашу зоновскую закалку. В общем, наши парни из патруля навешали им очень здорово, живого места не оставили, типа сопротивлялись властям, а завтра этих мерзавцев за ворота выгонят. Они же гопота, Володя. Я таких насквозь вижу. Даже машину они явно у кого-то украли. Вот у тебя «Егер», и он

тебе подходит. У Элис RAV 4, и он ей тоже подходит. А у этих гопников «Ленд-Крузер Прадо». А он им не подходит совершенно.

Но вот и эти парни, черт бы их побрал, за вещами пришли. В зале повисла недобрая тишина. Люди в форме положили руки на рукояти пистолетов.

Те двое, до которых я не успел добраться, зашли в бар. Рожи здорово поправлены, у одного правый глаз хорошо так заплыл, у другого левый.

Парни подошли к сваленным кучкой возле двери вещам, разобрали сумки. Тот, у которого заплыл левый глаз, повернулся ко мне, оскалился и сказал:

– Ничего, толстый, мы тебя все равно грохнем. И суку твою.

Арам положил мне руку на плечо, прервав начатое было движение.

Парни вышли, люди расслабились, снова начались разговоры.

– Вова, как хорошо, что тебя выпустили!

Мне на шею прямо с лестницы бросился рыжий вихрь и повис на шее. Я сумел выкристаллизироваться из этого вихря, поднял Элис на руки и поцеловал в губы под ободряющий свист и крики зала. Американцев на базе было достаточно, вот они и свистели.

– Вова, ты чего? Больно же, у меня губа разбита. Отпусти немедленно! – Элис отчаянно покраснела, так, как могут

краснеть только рыженькие девушки.

Я бережно поставил ее на землю.

– Извини, пожалуйста, я не подумал, – поглядев на лицо девушки, увидел заклеенную пластырем телесного цвета рассеченную губу.

– Знаешь, я слышала, как меня называли твоей э-э-э...

– Девушкой? – поспешил на помощь с подсказкой.

– Да. Так вот, я подумаю над этим вариантом, хорошо? Только не торопи меня. – Элис улыбнулась.

– Я и не пытаюсь, только надеюсь на это. Как насчет кофе с пирожными?

Я предложил девушке локоть, она оперлась на него, и мы чинно отправились в дальний угол, где недавно освоботился стол.

Усадив Элис, я сходил к стойке, взял у Арама два фужера «вишневки», пару чашек кофе, четыре пирожных безе, которые, как успел заметить армянин, очень понравились девушке.

Только приступили к легкому ужину, как к нам подошли Елена с Джеком.

– Ребята, приятного аппетита, но поговорить нужно. Вы не против? – спросила Елена, а Джек кивнул.

– Садитесь. – Я, как воспитанный человек, встал и подождал, пока Елена усядется на отодвинутый Джеком стул. Потом уселся сам.

К нам подошел Арам, привез на тележке еще пирожных,

фужер для Елены, бутылку «вишневки» и кофе для Елены и Джека.

– Ребята, Джедидайя говорил, что вам угрожали эти уроды? Уже после того, как Арам их выставил? Так вот, вам надо поскорее выехать, до них.

– Лена, а это почему? – удивилась Элис.

– Ты понимаешь, Элис, эти уроды – бедные. Они обменяли всего сто восемьдесят тысяч рублей. Им досталось чуть больше полутора тысяч экю на всех, а после этой выходки им не светит по штуке на нос от Ордена. Но они до этого купили в арсенале три винтовки. Две мосинки и один «гаранд». Снайперские винтовки. Дешевые, старые, но стреляют. Я как раз нашла в куче трехлинеек две снайперки и выставила их на продажу, и из «Америки» один М1Д «Гаранд» пришел. Так они их выкупили и были довольны. Вы понимаете, что вас по дороге подловить могут? Наши их просто выставят, и адью! Никто за ними следить не будет. Так, пинка дадут на прощанье, и все. – Ленка в волнении навалилась грудью на стол.

Джек молча кивнул, подтверждая важность этих слов. Да уж, ситуевина.

К столику подошел Арам и сел на принесенный стул. Посмотрел на нас, усмехнулся.

– Ребята, не все так плохо. Не надо оставлять бешеных шакалов у себя за спиной, вот и все. Их в восемь отсюда выпихнут? Выезжайте как можно раньше. Спокойно доберетесь до

Порто-Франко, там у меня брат держит отель «Арарат», поселитесь у него. А я через знакомых парней попрошу его поговорить с этими гадами – не стоит таким уродам бродить по нашей земле.

– Арам-джан, вы такой обстоятельный. А скажите, Арам, то, что я одного из парней до крови укусила, когда он меня держал и меня ударили, как они объяснили? – поинтересовалась Элис.

Прицелилась к очередному пирожному, слизнула крем. Интересно так скосила глазки на крошку крема на кончике носа, вытерла ее салфеткой.

– Они сказали, что ты бросилась защищать Володю. Вы знаете, ребята, в таких дурно пахнущих случаях наша мисс Майлз предпочитает поскорее выставлять проблемы за ворота базы. А там пускай Патруль разбирается, тем более что они к разным ведомствам относятся.

– Так что наш вам совет, собирайтесь и уходите ночью. За четыре часа форы успеете добраться до Порто-Франко, а там вас еще попробуй найди. Что по этому поводу думаете? – Лена посмотрела на нас.

– Я так думаю, что мне надо приобрести эти маленькие сумочки, в которые магазины от винтовки можно класть. Где их лучше купить? – Элис посмотрела на Лену.

– Ну это не проблема. Я сейчас пойду на склад, куплю на себя плейт-карьер и кобуру для твоего браунинга. Ты девушка сильная, я тебе подберу на максимальную загруз-

ку восемь подсумков плюс мародерку, подсумок для рации, фонаря и гранат. Примерим и подгоним. Пошли.

Девушки встали и попрощались с нами. Пошли из зала, разговаривая о типах жилетов, способах носки и прочих девичьих радостях. Даже в таком серьезном деле они нашли способ поговорить о тряпках.

А я повернулся к Араму и Джеку.

– Мне бы тоже не помешали подсумки для винтовки на все десять магазинов – у меня Аг-10. И кобура для «тауруса» бедро – грудь. Где можно такую купить?

Джек подумал и сказал:

– Я продам тебе свою разгрузку. У меня немецкая винтовка G-3, старая... очень старая. Но ременно-плечевая система под нее новая, бундесверовская. На восемь магазинов. Кобуру возьму на складе. Почти для магазинов пистолета у тебя есть?

Я утвердительно кивнул.

– Хорошо, жди здесь. И еще, не пей больше и Элис не давай, знаю я вас, русских. А то нет ничего хуже, чем отступить с похмелья. – И Джек ушел.

А я остался с Арамом. Тот принес шахматы, и мы разыграли пару партий. Арам оказался на удивление сильным игроком, одну партию я ему проиграл и едва свел к ничьей вторую.

– Неплохо. Хорошо думаешь, неожиданно. Жаль, уходите, а то любителей шахмат на базе не так много, – собирая

фигуры в старую деревянную доску, заметил Арам.

Бар постепенно наполнялся переселенцами, недавно вышедшими из Ворот, люди шумели, громко делились впечатлениями, требовали пива, вина, водку тоже вниманием не обходили. Да и сменившиеся орденцы отдыхали здесь. Говорили по-русски, по-английски, по-украински. Даже по-польски и вроде бы чешская речь мелькнула. По крайней мере, чешский отличается от украинского и польского. Да и обращались люди друг к другу по-английски.

Да уж, ночка обещала быть шумной. Арам с Агнешкой крутились как белки в колесе, выдавали ключи, продавали еду и напитки, рассказывали любопытным о подробностях местной жизни.

А я сидел за столом с чашкой кофе, потихоньку доедал пирожные и думал. Немного больше чем через месяц начнется сезон дождей и прекратится всякое сообщение. Необходимо найти за это время место, где можно спокойно перезимовать, и постараться убедить в необходимости таких действий Элис. А то она девушка умная, самолюбивая, явно со своим собственным мнением. Интересно, что у нас получится? И получится ли что?

Я ведь могу ей просто надоест. Разве такой парень нужен красавице?

– Что грустишь? Посмотри на мою обновку! – передо мной появилась довольная Элис, наряженная в новенький, вроде бы легкий камуфляжный броник с навешанными где

можно карманами для подсумков. К бедру была пристегнута поясная кобура. Ну мечта милитариста, а не девушка.

– Элис, такая красавица, как ты, украсит любую одежду. А в этом виде ты можешь смело прогуляться по любому подиуму. Можешь быть уверена в своем успехе. Все дохлые модели в ужасе разбегутся от такой воинственной богини!

Девушка на самом деле выглядела очень эффектно.

– Володь, вот, держи. С тебя триста пятьдесят экю. – Джек положил на стол разгрузку, набитую потертыми магазинами, кобуру и старую винтовку. – G3 в нагрузку. Завтра тебе ее в ворота вынесу. Она, конечно, очень хорошо расстреляна, но еще постреляет. А то у меня скоро перекрытия не выдержат, обрушатся.

– Ага, ты бы еще один M2HB у себя в комнате положил. Я когда от тебя утром выхожу, вся оружейным маслом пахну! – Лена возмущенно дернула носиком, пытаясь перекрыть гвалт в зале.

Я отсчитал деньги, отдал их Джедидаёе. Вечером деньги отдавать вроде плохая примета. Потом подумал, что наверняка приметы старого мира в этом мире не действуют, и немного развеселился.

В общем, мы еще чуть посидели, после чего мы с Элис забросили свои прибабасы в комнаты и пошли заправлять машины.

На стоянке, в дальнем углу, возле серебристого «Ленд-Крузера Прадо» ходили два парня из Патруля. Прямо на рас-

стеленном на бетоне куске брезента сидели трое гопников и ели сухой паек. Тот, которого я лягнул, сейчас был перевязан поперек корпуса, и даже правая рука оказалась прибинтованной к груди. Видимо, малейшее движение причиняло парню боль, потому что он постоянно охал и ахал.

Увидев нас, один из троицы провел пальцем по горлу. Впрочем, встать они даже не попробовали.

Патрульные приветливо махнули нам рукой. Мы ответили. Я помог Элис отстегнуть прицеп, сам сел за руль «Егеря» и проехал на заправку вслед за «тойотой».

Залил солярки под пробку, заправил опустевшую бочку. Оказалось, вся горючка идет с русских земель, из Протектората Русской Армии, там у них нефтеперегонка, плюс тяжелая металлургия, цветмет, химпром и еще куча производств.

Ого, вот это они здесь поработали! Столько дел сделать с нуля, с колышка – это же какой объем работы и какие капиталовложения?

Я поехал на указанное место возле ворот базы. Там имелся такой укромный, хорошо освещенный закуток, куда мы с Элис и поставили машины.

И пошли в «Рогач».

– Элис, пожалуйста, послушай. Ты когда-нибудь с прицепом ездила?

Прицеп у нее был очень неплохо нагружен. По словам девушки, там находилась пара промышленных швейных машин на двести двадцать вольт, два оверлока, специальный

утиг для ателье и гора рулонов ткани, ниток, косых беек и прочей тряпочной канители. Плюс стиральная машинка и компьютер. Всего килограмм триста.

– Нет, а что? – Она заинтересованно посмотрела на меня.

– А то, что твоя «тойота», конечно, неплохая машина, но для города. Или для поездок по пляжу. А нам придется ехать по грунтовке, разбитой тяжелыми грузовиками. Мой «Егерь» тоже нагружен по максимуму. И большую скорость держать не получится. Так что поедем медленно, аккуратно, но постараемся успеть проехать максимальное расстояние. А там уже это расстояние на нас играть будет, в городе легче. Да, еще нужно утром рации друг на друга настроить. Ты как хочешь ехать? Куда? – Я повернулся к задумчивой девушке.

– Я пока хотела уехать подальше. Чтобы потеряться в другом мире. Давай доберемся до Порто-Франко, а там посмотрим, а?

Мы вошли в бар «Рогача». Стоял гвалт, над отдельными группами людей клубились табачные дымы. Люди весело ели, пили, смеялись. Короче, радовались переезду.

В другое время я бы сам был не прочь посидеть в хорошей компании, выпить свои пол-литра. Но сейчас пришла пора идти спать. В коридоре второго этажа Элис поцеловала меня в щеку, пожелала спокойной ночи и зашла в свой номер.

У себя я первым делом вымылся, потом подогнал по себе разгрузку, Джек все же поменьше меня. Нужно будет утром магазины от «Армалайта» переложить и посмотреть, куда

лучше навесить пистолетные.

Постирал пропотевшие майку с трусами, повесил их в ванной, на сушилку для полотенец. Ничего с полотенцами не случится, все равно их стирать будут. А если на такой жаре вовремя белье не стирать, то моментом без него останешься.

Посмотрел на свой телефон из Старого Мира, посчитал в уме время и поставил будильник так, чтобы здесь подняться в половине четвертого.

Проснулся под музыку Листа, потягиваясь, зевнул. Прощлепал в ванную, встал под ледяной душ.

Глава 3

База «Россия». 22 год, 25-й день 9-го месяца

– Нет, леди, я вас не выпущу, пока луч солнца не коснется крыши блокпоста. Вон там, – пожилой сержант в американской песчанке, в кевларовом шлеме, весь увешанный подсумками с магазинами от М16, покачал головой. – Понимаете, выезжать рано утром – это ваше право. А моя обязанность выпустить вас утром. Понимаете, утром, а не ночью?

Элис удрученно покачала головой. Нетерпеливая какая и какая воинственная!

Тактические серые брючки, чуть мешковатые. Камуфляжная майка, на которую надет плейт-карьер с подвешенными подсумками. В подсумках уже магазины от М16, на крутом бедре пристегнута кобура с браунингом. На голове легкая зеленая шляпка с лихо заломленными полями. Ноги обуты в какие-то высокие ботинки, тоже камуфляжные.

И я... В старых коричневых джинсах, в старой, но очень удобной хэбэшной индийской рубашке, серой в мелкую зеленую клеточку. На ногах старые разношенные юфтевые сапоги. Разгрузка с подсумками на восемь магазинов от винтовки. Самодельный охотничий нож в самодельных же толстых кожаных ножнах рукоятью вниз на левом плече, на ремне разгрузки. За левым же плечом простая «Моторолла» с гарнитурой хендс фри. Кобура, правда, тоже на бедре, но не до-

рогая кобура с фиксатором, а обычная нейлоновая универсальная, под любой подходящий по размерам пистолет. На голове ничего, но на шее две старые зеленые хлопчатобумажные косынки, в которых так удобно делать пыльную работу. Одну на волосы, вторую на лицо, и вперед.

После подъема в «Рогаче» я в темпе вальса умылся, собрал вещи, заправил кровать, оделся в дорогу и спустился вниз. Там, у Арама, съел омлет из пары яиц с мелкой жареной рыбой, выпил холодного крепкого чаю, купил ледяной (в прямом смысле, из морозильника!) минералки, расплатился за постой и еду.

Тем временем спустилась Элис, тоже позавтракала. Сонно зевнула, жалобно посмотрела на массивные электронные часы. Отсчитала Араму наличные за ночевку и обеды-завтраки. Причем даже тот небольшой пикничок, который окончился моим выдернутым зубом, оплатила пополам.

– Ну что, посидим на дорожку? – Она опустилась на высокий барный табурет. Я сел на отодвинутый стул возле стола в проходе, Арам присел на табурет, даже высокий и худой чернокожий парень, который мыл полы в баре, посмотрев на нас, присел на краешек стула.

– Ладно, ребята. Счастливой дороги. В Порто-Франко не забудьте, отель «Арарат», мой брат Саркис. С Богом.

Пройдя через коридор «Иммиграционного отдела», вышли на стоянку. На ней заметно прибавилось машин. Всяких разных. Вон два УАЗа «Хантера» стоят, не могут россия-

не не обозвать свою машину импортным словечком. Дальше вроде «Нивы», два автобуса пазика. Еще какие-то машины, уже грузовые. О, вон лейбочку видно стало. «Хонды», похоже, полуторки. Дальше не разберу, темно, но машин много.

На воротах нас встретил Джек, протянул мне винтовку в опечатанном чехле, пожелал удачи, передал привет от Лены, которая заступила на дежурство в зале приема переселенцев. Мы выехали на своих машинах за территорию двора, поймав напоследок ненавидящие взгляды гопников, которых разбудили наша суета и рокот «Егеря».

Тормознули возле бетонных блоков, сложенных в небольшой лабиринт. Рядом стоял американский БТР, не помню названия. Но дело не в названии, а в крупнокалиберном пулемете на БТР. Вокруг блока собралось с пяток солдат-патрульных. Так серьезно экипированных, словно по новой решили брать Багдад. Видимо, серьезные дела здесь творятся.

Я присел на бампер грузовика. Подошла Элис, помолчала немного и спросила:

– Володь, ответь, пожалуйста, на вопрос. Почему ты не толстый, а милый? Хотя ты не толстый, ты полный немного, а это разные вещи.

– Ты наш советский фильм «Красная Шапочка» смотрела? Ну там еще песенка такая, что если долго-долго топать, ехать, бежать и так далее. Так там главный Волк говорит помощнику, мол, пошли, толстый. А Красная Шапочка его поправляет, что не толстый он, а милый. Вот ко мне и прилипло

это прозвище. – Я усмехнулся. – А теперь можно я спрошу?

– Давай, – легко согласилась девушка, устраиваясь поудобнее на бампере.

– Почему Элис О’Перли? Ты ведь русская? Или кто-то из родителей ирландец?

Она подумала и ответила:

– Все просто. Мне нужно было, чтобы здесь не прошла русская. Ты не обижайся, я тебе потом все расскажу. Может быть.

Нет, как она все-таки вежливо посылать умеет, усмехнулся про себя. Ведь вроде неплохие у нас отношения, но только как у дальних знакомых. Никаких попыток сблизиться, но вместе с тем она и не отдаляется. Держит на дистанции, играет.

Но все-таки девушка нервничала, и здорово. Особенно это было заметно, когда она думала, что ее никто не видит. Но сейчас ей просто стало интересно, что там, за вышкой.

Если честно, то мне тоже.

– О’кей, леди и джентльмены. Утро настало. Прошу ваши АйДи. – Сержант подошел ко мне, прогнал мою АйДи через переносной терминал. То же сделал с картой Элис. Интересно, у них у кого сканеры, у кого терминалы. Наверное, часть информации поступает в большой компьютер?

– Все, молодые люди, доставайте свои оружейные сумки, вынимайте из них свои игрушки. Только помните – отвечать за ваши поступки вам, – сержант кивнул молодому пар-

ню, тот специальными щипцами разломил пломбы на наших сумках.

Я растолкал магазины по местам, положил две гранаты в поясной подсумок, вложил «таурас» в кобуру, предварительно дослав патрон в патронник и спустив курок.

Взял свою винтовку, вставил магазин, надел на нее мусорный восьмидесятилитровый целлофановый мешок. Чует мое сердце, пыли по дороге будет море. Как я слышал от Арама, дождей здесь пару месяцев точно не было, странно, что трава по пояс. А мешок – и от пыли защита, и выдернуть пара секунд.

Пока возился с оружием, Элис уже залезла в свою «тойоту», закрыла окна и требовательно мне бибикнула. Торопыга.

Я подошел к ней, постучал костяшками пальцев по стеклу и попросил подойти с рацией к сержанту. Сам сделал то же. Нужно узнать каналы, по которым в случае чего хоть о помощи можно попросить.

– Вот теперь садись за руль, красавица. Помни, не гоним, едем со скоростью километров сорок. Хорошо?

Девушка нетерпеливо кивнула головой, явно с трудом терпя мои поучения. Ну-ну.

Солнце стремительно поднималось над горизонтом, освещая бетонную стену базы с пулеметной точкой наверху, блокпост на выезде. Прямо на глазах светлело, резко запели птицы. Недалеко, в сотне метров от блокпоста, подняв пыль,

пронесся табун каких-то диких лошадей. Да здоровый, голов двести, не менее.

Я завел «Егеря» и потихоньку тронулся. Куда спешить, надо до места добраться. Грузовик нагружен по максимуму, но-вый, хорошо хоть дорога по Казахстану показала, что все в норме.

Элис ехала впереди, пыля прицепом. Точнее, не только прицепом. Так что приходилось ехать метрах в ста от ее ма-шины.

В принципе ничего нового, обычная грунтовка. Причем неплохо укатанная. Вокруг непуганая дичь. Птички летают. С одной павшей туши на вторую, лежащую неподалеку. При-чем тушки хорошо так обгрызены, потрохов уже нет, боль-шая часть туловища тоже отсутствует. Хотя совсем нема-ленькие тушки, с земную корову размером.

Понятно, почему нас сержант до рассвета не выпускал.

Справа блестел океан. Красотища какая! Только вот слева обзора не было, мешала высокая железнодорожная насыпь.

На эту самую насыпь неторопливо поднялся рогач. здо-ровенный, уверенный в себе, с массивной башкой, увенчан-ной, как короной, огромными коричневыми рогами. Посто-ял, огляделся и заревел, как паровоз. Тяжелой трусцой он спустился с насыпи и неторопливо пошел вдоль нее, а через насыпь один за другим потянулись другие рогачи. Их оказа-лось целое стадо.

Я не успевал крутить башкой, хотя бы фиксируя все новое

и необычное по дороге. Один раз проехали мимо зловонной туши, от которой отбежало стадо крупных копытных падальщиков. Свинозавры такие.

Видимо, уже познакомились с человеком. Стояли, нервничали, но с горушки не спускались. Ждали, пока мы мимо проедем.

Проехали мимо базы с зубодробительным названием на английском языке, из которого я понял только «база» и «Северная Америка». Около блокпоста стояла база с такой же вышкой, как и на той, которую мы оставили, виднелось с десятков больших внедорожников, как их там? То ли «хаммер», то ли «хамви», не помню. Рядом с ними собралась толпа парней с оружием.

Элис помахала им рукой в открытое окно, и в ответ раздалась целая какофония из свиста, криков, гудков машин. Парни махали руками вслед «тойоте» до тех пор, пока я не газанул, проезжая мимо, и не поднял пыльное облако, благо ветер дул в ту сторону.

– Доволен? – поинтересовалась Элис по радиии, а со стороны американцев донесся слитный матерный вопль, и что интересно, частично матерились на неплохом «великом и могучем».

– Элис, отключись, пожалуйста, – попросил я и завернул им в ответ большой амударьинский боцманский загиб, которому мы научились в учебке от старшины команды, старого мичмана Амударьинской флотилии.

Ни одного матерного слова из восьмидесяти шести, ни одного повторения. Специально был разработан еще царскими боцманами на паровых катерах для того, чтобы при дамах не стыдно было выражаться. Жаль, вымирает рабочий сленг речников и моряков, один унылый мат остается.

В эфире повисла восхищенная тишина.

– Да уж, смешались в кучу кони, люди, дикобразы и верблюды. Вова, я знаю, что человек и конь – это кентавр, человек и бык – это минотавр. Но человек и осел, бешеная хромая верблюдица с больным зубом и человек – это кто? – очень заинтересованно спросила рация голосом Элис.

– Я потом в словаре посмотрю, хорошо? А почему ты рацию не выключила, как я просил?

В наушнике насмешливо фыркнуло.

В принципе нормально ехали, не торопясь. Я поглядывал за температурой двигателя, потому что моментально стало жарко. Градусов тридцать – тридцать три, не меньше. А ведь сейчас только половина шестого.

– Вова, здесь кто-то кого-то ест. – В голосе притормозившей на вершине холма Элис слышался явный испуг.

Я подъехал, поставил покрытый слоем пыли грузовик слева от «тойоты». Конечно, если бы на дороге появились машины, мне порция матюков была бы гарантирована. Но вокруг оказалось пусто, и эфир был пустой, только по рации пару раз какого-то медведя спрашивали по-английски. Но далеко, «Моторолла» брала с помехами.

Внизу, метрах в двухстах, две крупные гиены рвали на части большое копытное. То, что оно копытное, я успел разглядеть в бинокль, пока это копыто не исчезло в пасти гиены. Жрали гиены основательно, неторопливо, абсолютно не обращая внимания на прыгающих вокруг крылатых падальщиков. До тех пор, пока одна особо наглая птичка не села на остатки трапезы гиены. Та просто долбанула ее мордой с туши, потом подбежала к трепыхающейся птичке и двумя жевательными движениями перемолола в пасти.

Крылатые с криками поднялись в воздух, отлетели на небольшое дерево и уселись на нем.

– И что мы будем делать? – требовательно спросила Элис.

– Ждать. – Я взял бутылку с минералкой. Сделал глоток. Холодная, надо поосторожней. Не хватало еще ангиной в Новой Земле заболеть.

– У нас есть оружие. Может быть, постреляем? – Элис не унималась, она высунулась в открытое окно машины и наблюдала за гиенами.

– Элис, чтобы надежно поразить зверя или птицу, необходимо попасть по убойным местам снарядом массой не менее одной двадцатитысячной массы тела. Эти зверушки весят около тонны. То есть для поражения необходима масса пули не менее пятидесяти грамм. Или пять моих пуль, или не менее двадцати твоих. Это если стрелять по убойным местам, со скоростью пули, проникшей в тело, не менее двухсот метров в секунду. А животные крепко защищены, в них

очень сложно попасть. Кроме того, они не стоят на месте, постоянно двигаются, очень агрессивны. При малейшем поводе атакуют, а расстояние между нами они пробегут быстрее земного спринтера. Тебе это надо, жизнью из-за пяти минут удовольствия рисковать и машину курочить? Вот если бы у нас здесь пулемет был, то никаких проблем, стреляй – не хочу. Но только если стреляет хороший пулеметчик. Так что ждем, тем более что там на два укуса осталось. А после обеда обычно пить охота, здесь воды нет, наверняка водопой дальше. Уйдут они.

Так и произошло. Дожрав свою добычу, гиены покатались в пыли на дороге и потрусили на юг, к Заливу. Твою маму! Вот их водопой, рядышком, метрах в пятистах.

Гиены тяжелой иноходью пробежали мимо нас в полусотне метров, заставив замереть с винтовками в руках. Они на самом деле были огромными, эти зверюги.

– Ну вот теперь можно ехать. – Я стронулся с места за Элис.

Минут через тридцать нам попался длинный пологий подъем. Пока я на второй передаче поднялся, прошло минут пять, не менее.

На гребне стояла вышедшая из машины Элис и смотрела в бинокль.

– Порто-Франко. Какой красивый город, – мечтательно протянула она.

На самом деле, внизу, километрах в двадцати пяти от нас,

на берегу океана лежал довольно большой городок.

– Ага, красивый. Главное, просторный, – рассматривая город в бинокль, заметил я. Обернулся к машине, чтобы положить бинокль, и замер. А потом резво забрался на крышу кабины. Поднес бинокль к глазам.

– Вова, что там? – требовательно спросила Элис.

Там, сзади, километрах в пятнадцати, не больше, поднимая облака пыли, неслась большая серебристая машина. Именно неслась, плавно проходя повороты, легко вскарабкиваясь на пригорки и спускаясь с них. Если бы я сам только что там не проехал, решил бы, что в тех местах великолепная трасса.

– Да уж, уроды-то они уроды, но шофер у них чудо. Элис, садись в машину, езжай поскорее в Порто-Франко, но машину при этом не разбей. И главное, сама не убейся. – Я соскочил с крыши, отщелкнул фиксатор прицепа, отцепил его от «тойоты».

– Ты чего? Я никуда не поеду! – решительно заявила девушка, снимая с плеча винтовку.

Я выдернул у нее винтовку, повернул ее лицом к машине и сильно ущипнул за попу. Совершенно нечаянно, просто она сопротивлялась и очень провоцирующе ее оттопырила.

Элис взвизгнула, прыгнула вперед к машине, повернулась ко мне с совершенно ошалевшими глазами.

– Олеська, не крути мозги, – кладя винтовку на переднее сиденье, попросил я. – Езжай, вызывай помощь. Возможно, я

ошибаюсь, но там едет «Ленд-Крузер Прадо», серебристый. Тех бандитов, с которыми мы на базе столкнулись. И едет быстро, так что давай отправляйся.

Она постояла секунду, держась за попу, решительно кивнула и села за руль. Через мгновение «тойота» засыпала меня пылью, поднявшейся из-под передних колес.

Отплевываясь, я залез в кабину, открыл правую заднюю дверь грузовичка, привязал толстую техническую серую нитку к рукоятке с внутренней стороны.

Аккуратно распуская, отошел метров на тридцать в правую сторону, внимательно глядя под ноги. Тщательно осмотрел небольшую груду валунов, которые лежали здесь с сотворения здешнего мира.

Шуганул сапогом мелкую лохматую живность, аккуратно устроился справа под валуном. Дорога великолепно просматривалась, а меня, скорее всего, видно не было, ибо голова в зеленой бандане находилась ниже уровня травы.

Стер пыль с винтовки. Блин, не дай бог, заклинит. И стал ждать, благо ждать недолго осталось.

«Ленд-Крузер» вынырнул из-за взгорка, остановился метрах в пятидесяти от неподвижного «Егеря». Выскочили двое, но не с винтовками, как я думал, а с укоротами Калашникова АКС-74У, которые так любит милиция.

Третьего выволокли за шиворот и бросили возле машины, сунув ему в руки двуствольный обрез.

И направились к «Егерю», один за другим, держа автома-

ты горизонтально земле, даже не откинув приклады.

И что дальше? Ну держу я их на мушке, так если сейчас застрелю, еще докажи потом, что это самооборона. А если попробуем так? Я потянул за нитку, дверь резко открылась.

– Получи, козел!!!

Первый из парней начал поливать грузовик и окрестности из автомата, размахивая им как шлангом. Второй стрелял получше, но тоже в сторону грузовика.

Я, пригнувшись к камню, ждал. Пару раз пули свистнули недалеко от меня. «Вот так по-идиотски словишь шальную, потом доказывай святому Петру, что нечаянно!» – почему-то подумалось мне. И еще подумал, что они мне все варенье перебьют.

У уродов кончились патроны, они стали перезаряжаться.

А я выцелил заднего и выстрелил ему в грудь. И тут же два раза пухнул в ближнего.

Оба снопами повалились на землю. Один молотил ногами в конвульсиях, второй крутился, хрипя и зажимая руками простреленное горло. «Немного высоко взял», – подумал я и выстрелил ему в живот три раза подряд. Все равно он ногами ко мне лежит, пули пробьют и живот, и грудь.

Точно, он выгнулся дугой, потом осел на землю и замер.

В этот момент в верхушку валуна ударила дробовая осыпь, взвизгнула рикошетами и осыпала меня мелкими камешками. Это перевязанный шарахнул из обреза по валунам. Хорошо, что я его покалечил, похоже, он самый опас-

ный из этой троицы.

Но мне его почти не было видно, спрятался за машину, только нога торчала.

Я прицелился в ногу, выстрелил. И попал в стопу. Из ботинка аж брызнуло. За машиной взвыли, за окровавленную ногу ухватились руками и затащили ее за машину так, чтобы я не видел. Только слышно было, как орет бандит.

Продолжалось все это минут пять. Потом за машиной грохнуло, вверх взметнулся грязно-красный фонтан, облил кузов, и все замерло. Только внезапно стало слышно, как свистит ветер в верхушках травы.

Я подождал, медленно встал, не отводя прижатую к плечу винтовку от лежащих бандитов. Внимательно осмотрел, сдерживая рвотные позывы. Господи, кровищи-то! Нет, вроде мертвы. По дуге обошел валяющихся на дороге, присел, посмотрел под колеса «тойоты». За машиной лежало тело третьего.

Обошел автомобиль и вывернул утренний завтрак на дорожную пыль. Отдышался, вытирая рот ладонью, посмотрел еще раз. Бандит снес себе из обреза верхнюю часть черепа и забрызгал кровью и мозгами половину «тойоты». Блин, ну и зрелище.

Потом я уселся на землю рядом с «тойотой», чувствуя, что еще немного, и меня вывернет по новой. Посмотрел на дрожащие руки с винтовкой, постарался успокоиться. Начал глубоко вдыхать и резко выдыхать, чтобы проветрить легкие.

Посидел, стараясь не смотреть в сторону безбашенного. Ветерок нес со стороны океана свежий ветер, которым я не мог надышаться.

Отдышавшись, встал и пошел к «Егерю», поглядывая по сторонам и не опуская винтовки. Мало ли кто может пожаловать. Мне совсем не улыбалось дожидаться большой гиены или тех же свинок, совсем не улыбалось. Тем более что над телами уже появились насекомые.

Кстати, магазин в винтовке сменить нужно.

Достал из кабины бутылку с водой, прополоскал рот, выплюнул. Вынул из подсумка и вставил в винтовку полный магазин, а в початый добавил патронов и положил все в подсумок, поглядывая на текущую из кузова солярку. Потом подошел к открытой двери, внимательно осмотрел заднюю стену кабины. Да нет, вроде все цело, ящики с инструментом прикрыли. Только задняя стенка сверху и крыша оказались насквозь прострелены в пяти местах одной очередью. Не зря я ящики таким образом поставил, чтобы они кабину защищали. Потом подошел, отстегнул и откинул полог. Заглянул в кузов.

Блин, уроды, все разбили. Издырявили бочку с топливом, канистры с водой, в холодильнике пробоины в кондиционерах. Две запаски полетели в ключья, телевизор и монитор компа тоже. Как много гадостей можно сделать, если выпустить по машине два магазина патронов! Даже саженцам досталось. И еще соляркой их пропитало. Аж взвыть охота от

досады.

Я возился минут тридцать, вытаскивая простреленные вещи из кузова. Это на всякий случай, вспыхни сейчас здесь малейшая искра – и машина загорится. В кузове-то под тентом уже температура за сорок.

Здоровую кучу, вонявшую солярой так, что перебивало запах, идущий от трупов, сложил возле кузова, лишь бы занять руки и не думать о том, что я только что убил троих. Пусть гадов, но людей. И мне с этим жить. Впрочем, дед во время своей службы убил больше и жил.

Хотя... их только за то, что они мне устроили, стоило застрелить еще раз. Всю электронику и бытовую технику потерял. Если учесть, что здесь кондиционер стоит около полутора тысяч экю, то я конкретно попал. Ладно хоть генератор со сварочным аппаратом не задело. Так что не фиг переживать из-за этих гадов. Только вот переживалось.

Правда, самое главное, что не испортили двигатель грузовика и ходовую часть. Хотя в этом был небольшой позитив. Вытер соляру в кузове куском простыни (и здесь потеря!), выпрыгнул из кузова, поглядел на кружащихся над головой птичек. Если еще минут пять не придут властные структуры, брошу здесь все и поеду в город. Уже за Элис волноваться начал.

От города донесся далекий вой полицейской сирены и рев мощных моторов. Ну наконец-то!

На дороге показались два американских военных внедо-

рожника, которые «хамви». Или «хаммер», не помню, какой из них как называется.

Я аккуратно поставил винтовку возле бампера и поднял руки. А то пристрелят еще, вон какие воинственные.

На переднем внедорожнике работала сирена, но ни мигалок, ни другой полицейской символики не было. Видимо, Патруль считал, что крупнокалиберного пулемета на крыше достаточно. Пулемет направил на меня пулеметчик, наполовину высунувшийся из кузова. Ох и неприятно стоять под прицелом крупнокалиберного пулемета!

Из остановившихся джипов повыскакивали хваткие ребята, взяли на прицел меня, грузовик и «тойоту». А к пулемету встал здоровенный сержант.

Крикнув по-англицки, чтобы я не двигался, меня поставили на колени, завели руки за спину, затянули наручниками. Вытащили пистолет, нож и гранаты, положили их поодаль на капот «Егеря».

И все, кроме одного, разбежались, проверяя окрестности. Какие невежливые!

Из машины вразвалочку вылез сержант, поправил висящую наискосок на груди М16 с подствольником, спросил о чем-то проходившего мимо солдата и поднял меня за плечо с земли.

– Ну и кто вы, сэр? АйДи есть? – на чистом русском спросил он. – Что здесь у вас произошло?

– Документы в кармане рубашки. Я переселенец, три ча-

са назад выехал с базы «Россия». Попал вот в передрыгу, – кивнул я на гору испорченных вещей.

Здоровяк достал из кармана АйДи, прошел мимо «Егеря», оценивая пробоины, подошел к телам бандитов на дороге. Поднял АКСУ, нахмурился и вытащил из-за пояса пистолет Макарова.

Потом повернулся, направился к машине. Там с помощью сканера прочел карту и, прихватив кусачки, подошел ко мне. Щелкнул ими, разрезая пластик.

– Ну рассказывай, как до такой жизни докатился? Партизан! – усмехнулся сержант. Что-то он на американца ни разу не похож. Не видом, видом-то вылитый американец, а поведением.

– У меня вчера с этими конфликт был на базе. Их сегодня решили выставить, ну и мы с Элис О’Перли выехали рано утром, чтобы не встречаться с ними и избежать неприятностей. Но по дороге застряли – там две гиены завтракали. Пока они пожрали, пока ушли, прошло время. Увидел эту машину, отправил Элис к вам и стал ждать. Когда эти подъехали и вышли с автоматами, я отворил дверь. Бандиты начали стрелять, пока они перезаряжались, я открыл огонь. Двоих застрелил, а третий сам себя прикончил.

– Так, ну-ка погоди. Это как же ты так дверь открыл, что ни одна пуля из двух выпущенных магазинов тебя не задела? – Здоровяк внимательно на меня посмотрел.

– А я не из машины открывал. Вон от того камня шпагат

протянул, дернул, дверь открылась.

– Ха-ха-ха. Дерни за веревочку – дверь и откроется. Ну ты сказочник, партизан. Пошли, покажешь, откуда стрелял, – громила подтолкнул меня в плечо.

Я привел здоровяка к валуну, показал и катушку со шпагатом, и гильзы от винтовки. Он покачал головой и пошел к «тойоте».

Я потащился следом. Что еще делать? Натворил делов, теперь нужно отвечать. Хотя пусть лучше судят двенадцать, чем несут шестеро.

На капоте «кукурузера» лежали два ПМ, оба АКСУ, обрез двустволки. Поверх автоматов были брошены два подсумка. На земле возле машины стояла сумка со срезанной пломбой, в которой лежали три длинные винтовки.

– Ты чего трофеи не собрал, партизан? – лениво поинтересовался сержант, просматривая содержимое кожаной барсетки. Судя по виду, весьма и весьма недешевой.

– Трофеи? Какие? – несколько ошалело спросил я.

Внезапно здоровяк нахмурился и достал из барсетки две красные книжки. Покачал головой и спрятал их в карман. Повернулся ко мне.

– У нас такое правило – что с честного боя взято, то свято. На тебя напали убийцы и грабители, поэтому все, что у них было, – твое. И еще, тебе выпишут премию от Ордена за уничтожение дорожных бандитов, две тысячи экю. Завалил бы этого безголового, получил бы три. Машина, кстати,

тоже твоя. Только вот интересно, как ты ее допрешь? Бросать на дороге одну из своих? Так сейчас переселенцы как мухи начнут туда-сюда носиться, еще, чего доброго, прихватят. А машины, брошенные посредине саванны, здесь могут и забрать. Нет, ты потом сумеешь предъявить права на нее, но только если будешь знать, куда обращаться. Мы не имеем права отвлекаться на буксировку и вождение трофейных машин переселенцев, если это противоречит поставленным задачам, а нам еще нужно до базы «Северная Америка» сгонять, проверить дорогу, мы сейчас на службе. Так что сфотографируем тела бандюков, оформим протокол, оттащим их в саванну, потому что падальщикам тоже надо есть. И вернемся на блокпост. Не дай бог, еще вызовы будут. Мой тебе совет, скоро поедут переселенцы, я тебе уже говорил. Договаривайся с ними, потом отдашь одну пятую за помощь в буксировке. Я бы на твоём месте еще о помывке машины договорился, раз ты такой нежный. – Громила кивнул на лужу блевотины.

Я посмотрел на здоровый серебристый джип. Это – мой? Только за то, что грохнул бандитов? А не многовато ли будет каким-то совершенно непричастным к этому переселенцам – пятая часть от него?

– Ишь, глазоньки заблестели, – усмехнулся патрульный. – Учти, премии даются только за подтвержденное уничтожение дорожных бандитов и пиратов. Ясно? Много на этом не заработаешь. А вот пулю в лоб получить – нехрен делать.

Как планируешь с машиной поступить? Кстати, девчонкин прицеп мы дотащим, это оказание помощи переселенцу.

– Интересно, прицеп дотащить – это оказание помощи, а помочь довести трофейный джип – на это не имеете права отвлекаться. Ну правильно, был бы я девушкой с красивыми глазками, небось тоже помощь переселенке оказали бы. А что это они делают?

Солдаты тем временем защелкнули на голнях трупов кандалы из тонких блестящих цепочек и сейчас цепляли их за «хамви».

– Отташат их за холм и бросят. К вечеру даже косточек от них не останется. Здесь похорон бандитов с оркестрами не устраивают.

Здоровенный джип поехал в саванну, таща за собой кувыркающиеся тела. Из разбитого черепа что-то вывалилось. Меня снова замутило, и я отвернулся.

Остальные солдаты тем временем оттащивали подальше от дороги расстрелянные, пропитанные соляжкой вещи. Я их и не выбрасывал бы, может, на запчасти сгодились бы, но соляжка...

Подошел к «Егерю» и вытащил два стальных двухметровых кругляка на двенадцать миллиметров и бухту стальной вязальной проволоки. Согнул на коленке концы кругляков, два из них связал проволокой и зацепил за фаркоп, а два остальных прицепил за отверстия в кенгурятнике джипа. Залез в «тойоту», снял ее с ручника. Забросил внутрь сумки с

трофейным оружием.

– Хитер. Надо же, сцепку на коленке сделал, умно, нужно запомнить, – усмехнулся сержант, глядя, как я останавливаю свой импровизированный автопоезд возле прицепа Элис и накидываю его дышло на фаркоп «тойоты». – То есть тебе помощь не нужна? Тогда мы проедем немного вперед, переселенцев встретим. Успехов. Если ты остановишься у Саркиса, я к тебе завтра загляну, ты не против? Потолкуем насчет «тойоты».

Он скомандовал своим парням, они слаженно прыгнули в машины, и те рванули по дороге вперед. А я потихоньку повел свой поезд к городу.

Солнечные лучи проникали в отверстия от пуль на крыше, бегали по кабине «Егеря», раскачивающегося на неровностях дороги. Эта игра света успокаивала и отвлекала.

Через сорок пять минут Порто-Франко встречал меня хорошим таким укрепленным гаишным пунктом. Как в Ташкенте на новой сырдарьинской дороге после терактов девятиногос восьмого года. Небольшой зигзаг из бетонных блоков, такой, чтобы не мешать машине спокойно проехать в город, но не позволить ей прорваться на скорости. Американский БТР возле блоков, старый танк возле наблюдательной башни.

И красная «тойота» возле танка. А возле патрульных стройная девичья фигурка. Уже без плейт-кариера и без винтовки с пистолетом.

Когда я остановил машину возле патрульных и опеча-

тал оружейные сумки, ко мне, радостно улыбаясь, подошла Элис.

И с ходу врезала мне пощечину!

– За что? – в совершенно искреннем недоумении вскрикнул я, держась за щеку. Хорошо хоть, что не по выдернутому зубу пришлось.

– За тот щипок! У тебя пальцы как пассатижи, у меня половина попы синяя! А что это? – Элис подошла к обрызганному мозгами и кровью боку «кукурузера», покрытому толстым слоем пыли, посмотрела на пробоины в «Егере», побледнела и потеряла сознание.

Я едва успел ее подхватить.

С девушкой на руках подошел к поспешно освобожденной патрульными скамейке в тени под навесом, положил на нее Элис.

Из блока выскочил человек в камуфляже, но с большой сумкой, украшенной красным крестом. Решительно отодвинув меня от девушки, сломал ампулу, намочил ватку и поводил под носом у Элис. Та чихнула и открыла глаза.

До меня донесся резкий запах нашатырного спирта.

Элис попыталась встать, но доктор или фельдшер придержал ее за плечи и по-английски попросил пока не двигаться.

Я присел на корточки возле девушки.

– Ну что, драчунья? Ты чего людей пугаешь?

– Вова, это то, что я думаю? – Ух ты, какие огромные у нее глазищи!

– Я не экстрасенс, что думает девушка, не знаю, могу только догадываться. То, что тебя так обеспокоило, я сейчас вымою, тут у них мойка неподалеку. А ты пока отдыхай, – улыбнувшись Элис (супермен фигов, как пошло!), я пошел к машинам. Перецепил прицеп на RAV 4, отогнал свою сцепку метров на двадцать в сторону и с помощью мощной струи из толстого шланга, щетки и моющей жидкости отмыл от пыли, мозгов и крови «тойоту», частично вымыл от солярки кузов «Егеря», смыл пыль с кабины и тента. Посмотрел на чистые машины, усмехнулся про себя. Душу переполняли лихость и чувство гордости. Возможно, законное.

Когда я, мокрый, но довольный, подошел к девушке, она уже сидела и пила кофе из бумажного стаканчика.

– Володя, ты убил тех? Ну бандитов? Да? И тебя за это не арестовали? – Вопросы посыпались как из рога изобилия.

– Да. Они первые начали стрелять, если для тебя это важно. Но я их перехитрил, да и стреляю не так чтобы шикарно, но неплохо. Ты же патрульных мне на помощь отправила? – Девушка согласно кивнула. – Вот они прибыли, все оформили (если это так можно назвать), отдали мне трофеи и отправили сюда. А сами дальше поехали. Ты как, нормально себя чувствуешь? А то садись ко мне в кабину, а за твоей машиной и прицепом я попозже подойду?

– Давай. А то меня все еще пошатывает. – Девушка встала, поблагодарила по-английски парней в форме, сказала им насчет машины и прицепа. Те согласно кивнули.

Я тоже сказал пару фраз по-английски, помог девушке забраться в кабину «Егеря», сел за руль и потихоньку поехал в город.

– Знаешь, Вова, твой английский поразительный, – засмеялась девушка.

– Ага, знаю. Поражает в самое сердце. А с другой стороны, спросить – где, что, как и почему, могу, а остальное приложится со временем. Вон смотри, «Арагат».

Сразу за столбом с вывеской начиналась засыпанная гравием площадка, заставленная машинами.

Дальше шло довольно большое одноэтажное зелененькое центральное здание перед площадкой и много небольших домиков.

Около домиков вокруг отеля тоже все было занято. По крайней мере, то пространство, которое мы видели.

Я с трудом поставил сцепку из двух машин на площадке. Выпрыгнул из грузовика, обошел его и подал руку Элис. Все-таки девчонка до сих пор прийти в себя не могла. Хотя ручка у нее тяжелая.

Спрыгнув на землю и используя при этом как опору мою руку, Элис повернулась к зеркалу на дверной стойке, поправила какой-то неуловимый дефект в причёске, посмотрела на мою сумку и ойкнула:

– Вова, я оставила свою в машине. Вот растяпа!

– Ничего, я сразу как устроимся, так и принесу. Пошли? – опять подставил девушке локоть.

Она усмехнулась, оперлась на него, и мы под ручку направились к двери с надписью наверху «ресепшен». Звякнул колокольчик – любят восточные люди такую канитель!

Там, в кондиционированной прохладе холла, за стойкой с бронзовым звонком стояла копия Арама.

– Здравствуйте. Вы Саркис? Нам ваш брат порекомендовал вашу гостиницу. – Я поставил сумку на пол возле стойки. Рядом стояла Элис.

– Здравствуйте. Хороший у меня брат! Знает, что людям рекомендовать. И хорошо, что вы подошли, а то у меня единственный гостевой домик остался незанятым. Сейчас там моя сотрудница порядок наводит, через пять минут будет готов. Народу нового сейчас очень много. Садитесь пока за столик. Кофе, вода? Если хотите покушать, то прошу вас в ресторанчик.

– Только сначала оружие можно положить в сейф? Хорошо? – спросил я.

– Конечно, дорогой. – Здоровенный полный мужик плавно и бесшумно выскользнул из-за стойки, открыл большой сейф возле двери в дежурку, поставил туда все три мои сумки, которые я принес из машины, провел нас за столик, взял АйДи и ушел регистрировать.

– Элис, ты со мной в одном доме собираешься ночевать? – У меня начался гормональный шторм.

– Да. Ты парень хороший, а я как мышка – лягу с краешка кровати и не буду мешать тебе спать. – Девушка весело

посмотрела на меня. Потом посерьезнела. – Володя, извини меня за ту пощечину, пожалуйста. Я не знала, что тебе пришлось стрелять в людей. Патруль просто передал, что все в порядке.

– Да ладно, ничего страшного. Подумаешь, плюха, тем более что в ответку за синяк получил. Честное слово, готов обращаться с тобой намного нежнее. – Елки, гормоны никак не утихали. Бурлили. Тут принесли кофе для Элис, минералку для меня. Не охота ничего спиртного по такой жаре. Хорошая минералка, с кусочками льда и долькой лимона.

Посидев за столом в прохладном холле, мы переговорили обо всякой всячине. Элис к концу разговора немного зарозовела, а то бледная была. Интересно, это что же должно произойти, чтобы молодая, красивая и сильная девчонка в обморок брякнулась? Явно не только заляпанный бок «той-оты» тому виной. Вообще здорово нервная она.

Хотя вроде и хорошая девчонка. Только вот таинственная очень. Явно не бедная, с хорошим образованием. Вон как английской мовой владеет. Красивые руки, ухоженные. Сама тоже ухоженная, видно, что себя ценит. И чего ее понесло в другой мир?

Получив от Саркиса ключи, мы отправились в домик.

– А хорошо. Аккуратненько, – заметила Элис, обходя комнату.

Действительно, неплохо. Хотя и жил в гостиницах всего раза три в жизни, но сообразил, что больше всего это похоже

на бунгало с рекламного проспекта где-то на Гавайях. Домик размером шесть на шесть. Простой, из дерева, обшитый доской внахлест, как американцы делают. Внутри большая комната, две двери в туалет и ванну. Большие простые окна, сейчас поднятые и затянутые тонкой москиткой. Большая кровать, небольшой диванчик, телевизор и музыкальный центр, по которому Элис сейчас пыталась выбрать ту из радиостанций, которую стоило слушать. Большущий потолочный вентилятор гонял воздух по комнате. Все просто, мебель надежная, на полу толстые матерчатые дорожки. Специальное отделение в шкафу – явно для оружейных сумок. Но я уже положил оружие в сейф к Саркису.

– Так, Элис, пошел за твоей машиной. Если хочешь выкупаться, то у меня здесь есть чистые футболки. Правда, они тебе как платье будут.

Я поставил свою дорожную сумку возле диванчика, тронулся было к выходу, получил нежный поцелуй на дорожку и бодро выбежал из домика.

Элис выскочила на крылечко, помахала мне рукой и вошла обратно.

А я отправился к блокпосту по Главной улице. Ехать-то две минуты, а идти десять.

Мимо по дороге проезжали машины. В основном легковушки во внедорожном исполнении. Некоторые явно уже здесь переделанные. На многих надписи, рекламирующие сферу деятельности хозяина, причем на четырех языках.

Русский тоже везде присутствовал, из чего я заключил, что нашего брата здесь бывает немало.

Вообще, если судить по путеводителю, Порто-Франко – это большой город. С налаженным городским бытом и даже со своими бандитскими районами.

Мимо проехал большой автобус, битком набитый людьми, с горой вещей на крыше в самодельном багажнике. Незнакомый говор, вроде испанский. И люди смуглые, темноволосые. Некоторые – вылитые индейцы. Из автобуса доносился звук гитары, веселую песенку исполнял задорный девичий голос.

Я прошел мимо большой колонки, возле которой отмывали от пыли две «Нивы». Это наши, явно. Похоже, после нас приехали. Рядом в тенечке обмахивались веерами с логотипом бара «Рогач» две солидные такие дамы.

Прошел блокпост, крикнул парням на башне, что забираю машину с прицепом. Они махнули мне рукой и снова стали изображать бдительность, осматривая окрестности в здоровенные визоры.

Я пикнул сигнализацией, открыл переднюю дверь, долго возился, подстраивая под себя сиденье и руль. Осмотрелся в машине. Все просто, ничего аляповатого, только иконки на лобовом стекле и куколка на зеркале заднего вида. Машина явно новенькая, видно, что ничего не потерто, пахнет краской и свежим пластиком, на задних сиденьях еще не сняты заводские целлофановые чехлы. Не удержался, заглянул

в бардачок, но там ничего не было. Вообще ничего.

Ладно, нужно ехать. Я потихоньку тронулся, проехал змейку из блоков, протянул АйДи патрульному в малиновом берете. Тот считал ее сканером, кивнул, спросил насчет оружия. Я показал ему сумку на заднем сиденьи. Он кивнул, отдал карточку, махнул рукой по направлению к городу и отошел в сторону.

Поставив машину на площадку возле домика, я вылез.

Вытащил сумку с одеждой, знакомую еще по базе «Россия», оружейную сумку, подошел к двери и постучал.

– Вова, ты? – в окошко выглянула Элис, открыла дверь,пустила меня. Отошла на середину комнаты, продолжая вытирать густые волосы полотенцем. На ней была моя хлопковая серая футболка, доходящая до середины бедер. Высокая грудь приподнимала ткань двумя холмами с острыми наверхиями. – Спасибо, выручил. Ничего, что я в твоей сумке поискала? – Она кивнула на аккуратно разложенные на кровати пакеты с бельем.

– Нормально, я же сам предложил. Элис, ты не будешь возражать, если я отнесу твою оружейную сумку в сейф и заодно зайду в оружейный? Кое-что продать надо.

– Нет, я отдохнуть хочу. Полежу, телик посмотрю. Только ты до вечера не пропадай, а? И закрой меня вторым ключом, снаружи. Все равно никуда не собираюсь.

– Конечно, я на часок. Приятного отдыха. – Я поднял сумку и вышел за дверь.

В первую очередь дошел до грузовика, вынул из кабины пару резиновых шлепок, стащил сапоги с носками и бросил в машину. Надо не забыть носки забрать и постирать.

Подошел к колонке на стоянке машин, закатал штанины, покрхтывая от жжения ледяной воды, вымыл ноги. Жара на улице, а вода холодная. Судя по всему, артезианская, и с большой глубины. Шлепая мокрыми шлепанцами по щебенке, прошел до ресепшен, попросил Саркиса положить эту сумку в сейф, забрал первые три и поволок все в магазин.

Саркис извинился, что из-за занятости не может меня проводить.

Толкнув дверь в оружейный магазин и внося тяжелые сумки, я увидел весьма внушительную задницу хозяина этого заведения. Впрочем, меня намного больше привлекли стеллажи с винтовками. Много их как, никогда в таком оружейном не бывал. Некоторое время я осматривал витрины, а потом кашлянул, привлекая внимание. Кряхтя, мужик вылез из-под верстака, выпрямился и оказался здоровенным усатым дядькой с загорелым до красноты лицом.

– Здравствуйте, мне бы часть оружия продать. А то многовато. И винтовку почистить, можно?

– Здравствуй. Конечно, можно. А что продаешь? – Дядька подошел к прилавку, встал за него. – Мое имя Билл, а твое?

– Зовите Володей, Вовой, как вам удобно. Можете Владом. – Я разломил пломбы протянутыми щипцами, достал из сумки две мосинки, американскую самозарядку, положил

их на текстолитовый прилавок. Туда же отправил оба «макарова», один, более потертый АКС-74У. Положил патроны и обоймы для «гаранда». К автомату оставил один магазин, пустой, остальные решил придержать для себя. Выложил обрез двустволки. Гады, ТОЗ-54 испоганили.

Билл занялся винтовками. Серьезно занялся, сначала вычистил стволы, осмотрел их с помощью зеркала, потом тщательно проверил калибром. Удовлетворенно хмыкнул, раскидал «гаранд» на запчасти, внимательно изучил их под закрепленной на держателе лупой.

Потом занялся автоматом, изучил его так же скурпулезно. Поморщился от грязи в коробке, раскидал автомат на части.

Я в это время тоже чистил автомат. Похоже, его хозяин недавно сменился. Автомат был хоть не новый, но неплохо сохранившийся, а грязи в нем – жуть. Да и немного другой по конструкции, от моего АКМС отличался. Но это хоть и очень короткий, но все равно калаш, так что его точно себе оставлю.

Тем временем Билл перешел к пистолетам. Их он осмотрел коротко и небрежно. Так же посмотрел обрез.

Потом зашел в подсобку, созвонился с каким-то Раулитом, описал ему русское оружие и его состояние, уточнил цены и вышел ко мне.

Я тем временем уже сложил винтовку и калаш в сумку.
– Так, Влад, за «гаранд» я предлагаю пятьсот эю. А мой партнер из соседнего магазина предлагает тебе по сто пять-

десять за винтовки, полтысячи за автомат и по сто двадцать за пистолеты. За обрез полсотни готов выложить я. Согласен?

– Понимаете, я не знаю цены в этом мире. Так что положусь на ваше слово. Скажите, а АКМС у вас есть? И если есть, то сколько стоит?

Билл полез в подсобку и принес АКМС с подствольником. Положил на прилавок, указал мне на него.

– Так, поглядим. Шестидесят девятый год выпуска, русский. Скажите, вы его так же осматривали? – Я повернулся к Биллу.

– Да. Хороший автомат. На входе и выходе ствола размер одинаковый, износ механизмов незначителен. Гранатомет вообще восемьдесят девятого года, тоже не разбитый. За автомат, гранатомет и пять магазинов с патронами – тысяча двести экю. ВОГи купишь отдельно. Они у Рауля продаются, уже местного, демидовского производства. Кстати, а винтовку ты не продаешь? И почему продал «гаранд», он же снайперский?

– Нет, Ar-10 не продам, она мне сегодня жизнь спасла. Хорошая вещь. И у меня еще одна есть под этот калибр, автоматическая, а дробить оружие на два разных патрона не хочу.

– Покажи, что за винтовка? – Билл заинтересованно смотрел, как я достаю G3 из сумки, вынимаю из чехла. Покрутил в руках, положил на прилавок, зашел в подсобку и вынес винтовку с болтовым затвором, отъемным магазином и

очень красивой деревянной ложей. – Давай сделаем так. Я тебе вместо старой автоматической винтовки даю эту новую охотничью магазинку. Понимаешь, у меня тут недавно появился один агрегат, японский. «Хова» называется. Хозяин спьяну в костер винтовку положил, и ложа сгорела почти до механизмов. Ложи у нас здесь делает один мастер, тоже русский, кстати, так что отремонтировали. Не переживай, само железо даже не нагрелось. Механизмы новенькие, и крепление есть для оптики. И даже оптику найдем неплохую для комплекта. Ну что скажешь? Учти, патрон для такой винтовки под автоматический огонь мощноват, у меня старший брат во Вьетнаме с М14 под такой патрон бегал, так он никогда автоматическим огнем не пользовался. Легкая винтовка для такого патрона.

– Я бы вообще вторую продал. Ведь сейчас у меня два автомата есть. Хотя мне ее в нагрузку дали, вроде как подарили.

– Никогда не понимал русских. Это твое дело, как подарком распорядиться, хочешь – обменяй, хочешь – продай. Ну что скажешь? Знаешь, твоя винтовка старая, сильно расстреляна. Я это вижу. Или, может быть, полуавтомат какой хочешь? Но это с доплатой.

– Вы думаете, мне еще запасная винтовка не помешает? Зачем, я сейчас вообще на калаш перейду. Хотя... жизнь, она длинная. Если баш на баш, то поменяю. Но доплачивать не буду. Видимо, вам армейская винтовка нужна? Небось на

запчасти?

Билл усмехнулся, но не ответил.

В общем, поменял я автомат на японскую магазинку, хотя зачем, сам пока не решил. И в чем для продавца фишка, так и не просек. Этих G-3 немцы горы наделали, как наши калашей. Купил еще чехол для Ar-10, для хранения. Собрал полегчавшие сумки, а опустевшую сложил и сунул туда же, отнес сумки к Саркису в сейф и пошел в номер. Отдохнуть и ополоснуться после пыльной дороги не помешает.

Поднявшись на крыльцо, открыл дверь ключом (я закрыл Элис по ее просьбе, чтобы никто не мешал) и замер, пораженный открывшимся зрелищем. Элис спала, подложив одну руку под голову и отбросив другую. Простая бумажная сорочка четко обрисовала великолепную фигуру, приоткрывала стройные и сильные ноги. Роскошные бронзовые волосы разметались по подушке, накрыв ее волнистым ковром. Дыхание поднимало красивую грудь.

Полюбовавшись, я на цыпочках прошел к диванчику, сел на него, стараясь не смотреть на девушку. Некоторые люди, а особенно женщины, чувствуют взгляды. Не хотел будить, пусть поспит.

Потянувшись к пульта, без звука включил телевизор. И попал на какую-то передачу вроде «Клуба путешественников». Кряжистый бородатый мужик и моложавая женщина стояли на борту корабля и беззвучно что-то комментировали, показывая руками на стаю огромных рыб. По-настояще-

му огромных рыб длиной с этот кораблик, плывущих почти на поверхности воды неторопливо и достойно.

Каждое движение этих исполинов было преисполнено огромной мощи. На боках под ярким солнечным светом блесла огромная чешуя, похожая на круглые щиты кочевников. Стайки небольших рыбешек сопровождали движение этих рыбин, оклевывая их бока в поисках паразитов. Очень интересная передача, честное слово. Но меня то и дело тянуло взглянуть на Элис.

– Ум-м-м-м! – потянулась, просыпаясь, девушка. Села, подхватив простыню, прикрылась и недоуменно посмотрела на меня. Потом улыбнулась, заставив замереть мое сердце. – Пришел наконец. Я уже не надеялась увидеть. Бросил одну и пропал. – Элис встала, чмокнула меня в щеку. – Отвернись, пожалуйста. Я переоденусь. А потом пойдем кормить меня вкусностями и гулять по городу!

– Если ты не против, то я лучше выйду. Пойду посмотрю, что в «кукурузере» есть. Если хочешь, присоединяйся. Еще не осматривал трофейную машину, аж руки чешутся. А потом и пообедать можно.

Вышел из домика и отправился на стоянку машин перед главным зданием.

Подошел к трофею, отключил брелком сигнализацию и полез осматривать багажник машины и ее салон. Достал из багажника три большие сумки, вроде тех, с которыми ездили челноки. Из салона вынул спортивную сумку, две кожаные

куртки. Бросил все на щебенку, еще раз осмотрел салон и багажник, начал потрошить добычу.

Через некоторое время ко мне с интересом присоединилась Элис, и мы с удовольствием перетрясли сумки с недо-рогими биноклями, ножами, камуфляжными костюмами и высокими ботинками-берцами. Только жаль, размеры были маловаты. В одной сумке оказался пакет с ноутбуком, парой зеркальных фотокамер «Никон», видеокамерой «Сони». Плюс зарядки, флешки и прочая дребедень, относящаяся к этой области. Видимо, перед тем как перейти сюда, бандочка нехило потрясла небогатый рынок.

К нам вышел Саркис, с интересом понаблюдал за процес-сом потрошения сумок.

Элис разошлась, выпотрошила спортивную сумку, мор-щась от пакетов с бельем и носками бандитов. Хорошо хоть, что все было новенькое, в упаковках. И опять – маленькие размеры. И что с этим делать?

– Вова, смотри! – Девушка на вытянутой руке держала це-лую горку драгоценностей. Золотые сережки, колечки, це-почки. Все не самое дорогое, просто обычные девичьи по-брякушки. На щебенке валялась кожаная куртка.

Я взял одну сережку, привлекающую меня некоторой непра-вильностью. Присмотревшись, вздрогнул. На замке сережки виднелись остатки кожи. Ее с мясом из ушей вырвали.

Элис отвернулась, зажала рот. Она тоже это разглядела. Золото посыпалось на щебенку.

Меня аж затрясло от глухой ненависти к этимдохлым урдам. И я переживал из-за того, что их убил? Больше точно не буду!

– Саркис, вы не подскажите, может быть, здесь есть пункт помощи переселенцам, попавшим в беду?

Золото я себе не возьму. Но и выбрасывать его не годится. Так пусть принесет пользу людям. Да и вроде как благое дело совершу.

– Есть. Здесь при церкви принимают пожертвования для пострадавших и неимущих. Таких довольно много. Если есть желание, позвоню, приедет служитель. – Саркис вопросительно посмотрел на меня.

– Да, хотелось бы. Если вас не затруднит. – Я собирал золотые побрякушки и складывал их в бумажный кулек.

Потом побросал все шмотки в сумки, оставил себе только электронику. Ее никому не отдам. И четыре самых мощных бинокля отобрал. Хоть Китай, но оптика.

А оставшуюся оптику поменяю на патроны. Билл говорил, у него есть какой-то партнер, которому он сплавляет недорогое оружие. Вот ему и загоно.

– Молодые люди, скоро подъедет служитель церкви. Подождете?

Вот цирк. По щебенке армянин двигался абсолютно бесшумно. Если бы я тень не увидел, от испуга так же, как Элис, подпрыгнул бы. Ну и Саркис!

– Конечно, подождем. Элис, ты салон еще раз сама не про-

веришь? Женщины наблюдательней мужчин. – Ну, по крайней мере, пускай они так об этом думают.

– Если не секрет, почему решил отдать золото? Тут на тысячу экю наверняка наберется. – Саркис внимательно на меня посмотрел. Элис в машине тоже.

Я сел на трубчатый порог «тойоты».

– Не знаю. Возможно, потому, что мне сегодня очень повезло. А я суеверный, не скрою. Кроме того, это золото как будто из свежей могилы достали. Не хочу иметь с ним дела, никакого. И вещи пусть забирают. – Я кивнул на баулы с кое-как засунутыми в них вещами. Взял сумку с десятком биноклей, положил в «тойоту». А сумку с камерами и ноутбуком в «Егеря», чтобы не запутаться.

К стоянке подъехал небольшой серый пикапчик. Какой-то старый «форд». Из него неторопливо вылез здоровенный темнокожий детина в черной рубашке с короткими рукавами, с белым воротничком на шее. Надо же, впервые вживую вижу католического священника.

– Добрый день, отец Эдуард, – по-русски поздоровался с ним Саркис. – Эти молодые люди хотят сделать взнос в кассу помощи пострадавшим и нуждающимся переселенцам.

– Это богоугодное дело. Господь велел делиться с ближними, – неожиданно высоким голосом сказал священник. С интересом посмотрел на сумки, но ни о чем не спросил.

В общем, отдал я ему золото, сумки с одеждой и почувствовал себя более спокойным, что ли. Или чистым. Как буд-

то липкой грязи пуд стряхнул. Поп, не посмотрев, закинул сумки в кузов пикапа, с благодарностью принял кулек с золотом, вежливо отказался от приглашения на обед и уехал.

А мы с Элис пошли в ресторан гостиницы. Поесть. Уже было четырнадцать часов. Надо же, полдень здесь в пятнадцать. Только сначала руки помыли в небольшой комнатке возле входа в ресторанчик.

За стойкой стояла молоденькая черненькая девица, которая принимала заказы, а вторая такая же разносила их. Зал был битком набит, только один дальний столик оказался свободен. Мы и направились к нему. Усевшись, осмотрелись. С разных сторон доносился разнообразный говор. Русский, английский, турецкий или азербайджанский, не скажу точно.

Элис просматривала меню.

– Вова, что будешь? Есть рыба, есть мясо. И то, и то жареное плюс овощи.

– Мясо и, если есть, жареную картошку. Из овощей помидоры и, если ты не возражаешь, лук. Не хочу непривычных вещей. Лучше вечером попробуем.

– Ну а я рыбу, рис и салат из морепродуктов. Большую порцию. – Элис позвала девушку, сказала ей по-английски, что заказывает.

Та кивнула и ушла.

Через несколько минут официантка принесла уже готовые блюда. Видимо, здесь на кухне сразу много готовили. Передо мной на здоровенной тарелке лежала огромная, потрясающе

пахнущая отбивная. Рядом с ней – горка небольших катрошин, целиком обжаренных во фритюре. На отдельной тарелке краснели мелкие помидорки и зеленел пучок лука. Перед Элис поставили такую же тарелку, но с куском рыбы и горкой риса. А порция салата лежала на огромном блюде. Что-то из ракообразных, моллюсков, кусочков рыбы, листьев салата и половинок маленьких помидорин, залитое растительным маслом. Если нос меня не обманывал, то оливковым.

– Что вы растерялись? Что-то не так? – Саркис подошел к столику.

– Нет, все так, но так много. Как это съесть? – Элис огромными глазами смотрела на тарелки.

– Вы, главное, начните. А там разберетесь. Приятного аппетита. – С этим пожеланием армянин беззвучно удалился.

Чувствуя, как слюна заполняет рот от аппетитнейшего запаха, я отрезал кусочек отбивной и начал жевать. А неплохие здесь коровы, вкусные. И картошечка ничего. Взял головку лука, с удовольствием захрустел. Элис тоже довольно смело атаковала рыбу. Потом предложила мне помочь ей с салатом, ибо это явно порция на двоих. В общем, продолжительными совместными усилиями мы справились с обедом. Поблагодарили Саркиса и девушек, покинули ресторанчик и пошли отдыхать после обеда. Сиеста, знаете ли.

Да и Элис категорически отказывалась выходить под это солнце до вечера, мотивируя решение своей рыжестью и склонностью к мгновенным солнечным ожогам. А потому

мы просто отдохнули во дворе ресторана, под широким навесом возле большого бассейна.

А после восемнадцати часов решили прогуляться по городу. Городок был не очень большой по населению, но очень просторный. Построен с хорошим размахом, дома друг дружку не толкали, люди тоже. Машины попадались в основном несколько устаревшие, хотя встречались и новенькие внедорожники-паркетники. Вроде моего трофея или «тойоты» Элис. Множество старых армейских моделей всех стран и марок. Люди вокруг суетились, занимались делами. Все были крепко так загорелые, и Элис, да и я со своим среднеазиатским загаром заметно отличались от них. Хотя пару раз попадались группы новичков вроде нас, тоже светленьких.

От Овальной площади мы спустились к порту. Там, на небольшой смотровой площадке, решили полюбоваться океаном и портом. В основном океаном, потрясающе красивым под ярким светом солнца.

Из порта выплывал довольно большой корабль, причем с парусным вооружением. Но шел на двигателе, взбив за кормой нехилый бурун. Я взял висящий на груди китайский бинокль (лень было свой доставать), посмотрел на название, выложенное начищенными бронзовыми буквами на борту корабля.

– «Впечатляющий». Правильное название, подходящее. – Я отдал бинокль Элис.

Корабль тем временем развернулся, по вантам забежали немногочисленные матросы, распустились и наполнились ветром паруса. И судно, набирая скорость, пошло... пока на юг. Потом, наверное, развернется направо и пойдет на запад, но куда, не знаю.

– Как красиво. Никогда не видела таких больших парусников, – смотря в бинокль на уходящий корабль, заметила Элис.

Потом мы гуляли по набережной, потом опять вышли на Главную улицу и неторопливо пошли в «Арарат». Элис все больше нервничала, беспокоилась. Создавалось впечатление, что ее что-то тревожит. После того как отдохнули в ресторане Саркиса, слегка поужинали и выпили немного вина, мы долго сидели в небольшом скверике за главным зданием и пытались поговорить. Но девчонку как будто кто-то завел, она нервничала, постоянно оглядывалась. В конце концов я предложил ей пойти отдохнуть. Все-таки впечатлений очень много, стресс и прочие атрибуты, сопутствующие большому путешествию, присутствовали. Оставив девушку в домике, чтобы она спокойно приняла ванну, я вышел на улицу и уселся на маленькую скамеечку. Помахал рукой соседу, курящему неподалеку. Посмотрел на темнеющее небо, в котором начали появляться звезды. Вдохнул городской воздух, попробовал его на вкус.

Воздух был почти чистый, с легким запахом автомобильного топлива и доносящимся из ресторана запахом пищи.

Кто-то пел песню под караоке, причем с большим чувством и полным отсутствием слуха. Рычащий двигателем большой грузовик проехал по Главной улице Порто-Франко и исчез за поворотом. Я поглядел на часы. Больше получаса прошло, наверное, можно заходить.

В комнате было пусто, в ванной журчала вода. На кровати лежал белый банный халат с логотипом отеля.

– Элис? – подойдя к двери ванной, спросил я.

Мне не ответили. Я подергал ручку. Заперто. Хотел было выбить дверь, но заметил прорезь на ручке с этой стороны. Торопливо вытащил старые ключи, самым тонким повернул защелку. Открыл дверь, зашел в наполненную паром ванную.

– Элис?

В ванне, сжавшись в комочек, плакала обнаженная девушка. Плакала сильно и безутешно.

Я подхватил ее на руки и понес в комнату.

– Не надо, пусти меня. Пусти меня!!! *Я хочу к маме!!!* – Элис вырывалась у меня из рук, стала бить меня кулачками по голове и плечам.

– Олеська, солнышко, маленькая моя, ты что? Успокойся, пожалуйста. – Я долго укачивал ее на руках, говоря всякие нежные глупости. Когда она прекратила вырываться и стала просто плакать, я положил обнаженную девушку на кровать, укрыл легкой простынкой (я тоже живой человек!), сел рядом и стал гладить по волосам.

Элис долго хлюпала носом, успокаиваясь, а потом взхлеб стала рассказывать мне свою историю. Не самую странную, но довольно страшную. Именно своей обыденностью. Жила-была простая русская девушка. В простом русском городе. Папа и мама обеспечивали ее всем необходимым, любили и лелеяли. Любила и бабушка, которая жила в этом же городе.

Папа был небольшой начальник небольшой фабрики. Но на жизнь вполне хватало, и на учебу для его дочери тоже. Недорогая иномарка, хорошая квартира, маленькая, но очень уютная дача. Подарок от родителей к окончанию института в виде небольших бриллиантовых сережек и колечка.

Все кончилось в один вечер, когда на отца, маму и бабушку, ехавших на своих «восьми узбеках», напоролся пьяный молодой выродок на здоровенном черном внедорожнике. Выродком оказался сыночек большого районного начальника.

От страшного удара мать и бабушка погибли в машине, отец умер по дороге в больницу.

А богатенького сынка упрятали в больницу как сильно пострадавшего от нарушившей правила дорожного движения встречной машины.

Элис сильно помогли друзья отца. Помогли с похоронами, с поминками. Сама девушка держалась изо всех сил, пыталась остаться сильной, аккуратной и назло всему привлека-

тельной. Но тяжелая депрессия, рожденная страшной бедой, все сильнее сжимала горло.

– Так вот, однажды ко мне пришла моя однокурсница, Томка Гергедава, нарядила меня и потащила по магазинам. Мол, шопинг поможет развеяться. И я встретила в бутике этого ублюдка – довольного, пьяного и смеющегося. Тут мне снесло крышу, и я вцепилась ногтями ему в лицо. Я ему всю рожу ободрала, готова была глаза вырвать. Но меня Томка от него оторвала, вытащила из бутика через заднюю дверь и спрятала у себя дома.

Я считала себя покойницей. Как-то одна девушка в нашем городе просто высмеяла этого, эту... Ну короче, ей через полгода плеснули в лицо серной кислотой. А тут я ему все личико поправила и один глаз повредила. Это мне уже Томка рассказала... Мне точно надо было прощаться с жизнью...

Но отец Томки, Шалва Иосивович, продал мои квартиры, бабушкину дачу и привез меня в Москву. Томка купила «тойоту» и прицеп, собрала все мои личные и ценные вещи, купила этот набор дизайнера, который болтается в прицепе (я все-таки дизайнер по интерьерам!), и меня переправили сюда.

После перехода я подумала, что меня могут преследовать и здесь, и в «Иммиграционном отделе», когда получала Ай-Ди, изменила имя и фамилию. А тут встретила тебя.

– Элис, а как тебя на самом деле зовут?

– Александра Ожемчугова. Бабушка звала Олесей. Я про-

сто перевела фамилию на украинский, и получилось О'Перли. Ну и имя немного изменила... – Элис, точнее Олеся, зевнула, прикрыв ладошкой рот.

– Спи давай, Мата Хари. Спокойной ночи. – Я поцеловал девушку в щеку и пошел стелить себе на диване.

Когда повернулся, она уже спала. Прямо ангеленочек.

Я потихоньку прошел в ванную. Хорошая штука душ после жаркого дня. С удовольствием растерся после ледяной воды жестким полотенцем. Оделся и потихоньку выбрался из ванной комнаты.

Лег на коротковатый диван, закинул ноги на спинку и стал думать, что делать дальше.

Для начала нужно было определиться, чего я хочу. А хотел я... Вообще-то ничего сложного, последние сутки я постоянно хотел быть с этой рыжей занозой, поразившей меня прямо в сердце. Вот ведь угораздило влипнуть, и при этом сам не заметил. А значит, придется стать немного параноиком и подумать о том, что Олеся на самом деле могут догнать. Буду исходить из того, что она рассказала правду. Как говорится, сердцем верю. Значит, нужно посоветоваться с младшим братом-ресторатором. Он человек здесь явно значимый, много знает, глядишь, чего хорошего присоветует. А там видно будет.

И своей машиной нужно заняться. Впереди долгий путь, хорошо бы ее немного подлатать и переделать под здешние условия. Заменить медные трубки на гибкие шланги, зава-

ритель пулевые отверстия, а в потолке как раз на месте смертоносных дыр сделать люк, да побольше. Чтобы я сам мог пролезть. Еще нужны нормальные крепежи для оружия на потолке и боковых стойках. Еще придется отремонтировать запаски, продать самый тяжелый инструмент, максимально облегчив машину. Проанализировать здешнюю криминогенную обстановку на дорогах, выбрать наименее опасную. Переговорить с Элис, то бишь с Олесей, где лучше перезимовать. По-моему, лучше русских земель для этого ничего не придумать. Все свои, сильная армия, мощная промышленность. Можно осесть на постоянку, глядишь, и приживемся. Но это все завтра.

Еще саженцы надо определить, а то погибнут.

Я зевнул, подоткнул подушку поудобнее и заснул.

Проснулся опять впотьмах. Елки-моталки, здешняя полночь! Ну что я буду делать?

Кровать стояла в прямоугольнике лунного света. Олеся сладко спала, тихонечко посапывая носиком. Простыня сбилась и обернулась вокруг бедер. Я сглотнул, с трудом заставил себя отвернуться от замечательного зрелища.

Тихо открыл дверь и вышел на улицу. Ночной город сверкал огнями порта и веселых заведений, гудел двигателями машин. Но по-ночному, как-то негромко. Чистый воздух плыл с океана, пахло рыбой и солью. Хорошо жить на берегу океана, всю жизнь об этом мечтал. Может быть, здесь у меня это получится?

Я зашел в домик и замер. Посреди комнаты стояла зевающая Олеся, завернутая в простыню. Потом девушка шагнула ко мне, уронила белую материю. А чуть позже мне стало не до ночных красот.

Весь мокрый, но ужасно довольный, я лежал в кровати и слушал веселую песенку, доносящуюся из ванной. Потом дверь открылась, и в комнату зашла обнаженная рыжая девушка, вытирающая волосы полотенцем.

– Иди ополоснись, вспотел весь, как будто вагон разгрузил, – засмеялась она. – Трудяга.

Через полчаса мы лежали в обнимку и тихонько разговаривали. Обо всем и ни о чем. Смеялись глупостям, любили друг друга и снова отдыхали...

– Я теперь понимаю, почему здесь так кормят, – глобокомысленно заметила отдышавшаяся девушка. – Учитывая длину ночи, количество усвоенных килокалорий должно быть намного больше. Все, я уже не могу, давай спать, а?

Она немножко отодвинулась от меня, легла на бочок и мгновенно заснула.

Я полюбовался девушкой, в полосе лунного света казавшейся прекрасной статуэткой, лег на спину. И сам не заметил, как заснул.

Город Порто-Франко.

22 год, 26-й день 9-го месяца

Проснулись мы поздним утром. Даже бьющие в лицо лучи

солнца заставляли нас жмуриться и отворачиваться, но не могли разбудить.

Но в конце концов мы встали. Правда, не сразу. Впрочем, чем могут заняться утром в кровати хорошо отдохнувшие молодые люди? Конечно, всякими нежными глупостями.

– Ну что, завтракать? А дальше что, какие у тебя планы? – заплетая волосы в толстую косу, спросила Олеся.

– Ну сегодня хотел поискать покупателей на инструмент. Он тяжелый, хочу облегчить машину. Кроме того, надо проехать до оружейного магазина Русской Армии, там тир есть, требуется пристрелять автоматы и винтовку. Ну и лишние китайские бинокли поменять на патроны. Поехали вместе, постреляем? – Я натянул потрепанные шорты и широкую майку. Надевая часы, подумал о том, что необходимо купить настенные часы и будильник, сделанные специально для здешнего времени. Наверное, их уже выпускают, по крайней мере, электронные. Часовой циферблат еще попробуй сделай под последний час! Хотя в принципе можно, просто разделить на тысячу восемьсот двенадцать минут. Несимметричный получится циферблат. И напополам поделить нельзя, выйдет только тридцатичасовой.

Зайдя в ресторанчик и усевшись за стол, я увидел подходящего к нам Саркиса. Встал, поздоровался с ним.

– Здравствуйте, молодые люди. Как вам наши ночи? – с легкой усмешкой спросил армянин, посмотрел на часы. – Володя, позвонил Боря Раскатов, попросил передать тебе, что

зайдет в восемнадцать часов. Насколько я понял, желает насчет машины переговорить, ара. А ты ее продать хочешь?

– А кто это, Раскатов? – поинтересовался я. Вроде никого не знал с такой фамилией.

– Это мастер-сержант из Патруля, здоровый такой, выше тебя на полголовы.

– Такого знаю. Он командовал отделением патрульных, которые ко мне на помощь приехали. «Гойоту» продам, наверное, хоть и очень жалко. Но не по чину мне эта машина, буду дрожать над каждой царапиной. Так что лучше грузовик подлатаю, а джип продам. Саркис-джан, послушайте, нам необходимо посоветоваться. Вы можете нам уделить немного времени?

– Думаю, что да. В чем дело? – заинтересованно присел на стул армянин.

– Элис, расскажи ему, пожалуйста. – На людях Олеся меня попросила называть ее так.

Олеся коротко рассказала Саркису свою историю. Без особых эмоций, но подробно.

– Правильно сделала, девочка! Мужчина, нанимающий такого же уroda, чтобы плеснуть кислотой в лицо девушки, вполне способен нанять убийцу, а найти вербовщика не так уж и сложно. Тем более для богатых людей. Но вот ты о чем не подумала. Ты же и там была рыжей? Это твой настоящий цвет? – Олеся кивнула. – Так вот, им достаточно показать твою фотографию, чтобы тебя узнали. Даже не обязатель-

но, чтобы при этом снимали именно тебя, могли снимать, например, твою подругу, но с большим количеством девушек вокруг. Вы, студентки, так любите фотографироваться большой компанией. Впрочем, даже если и отправят сюда убийцу, он навряд ли будет тебя искать. Это же другой мир, обязательства перед нанимателем недействительны, проконтролировать невозможно. Просто будьте осторожны, ну и я Араму при случае передам информацию. Если что, мы дадим знать об этой истории парням из Патруля. Эти ребята не любят наемных убийц, насильников и прочее человеческое отребье. Мы же, армяне, ценим красивых женщин и ненавидим тех, кто их уродует. Короче, езжайте подальше отсюда, в Россию, в Конфедерацию или в Техас. Там очень крепкие люди, которые не любят, когда обижают их соседей. Просто вам нужно будет стать такими же, как они. А пока завтракайте, молодые люди. Вам силы нужны, – с усмешкой заметил хозяин ресторана.

Ну, мы и позавтракали. Скромно так, Олеся фруктовым салатом, а я парой бутербродов из поджаренного хлеба с копченым мясом. Плюс кофе, он здесь великолепен.

– Вова, тебе нужно помочь с твоими инструментами? – поинтересовалась девушка, когда после завтрака я переоделся в рабочую одежду и пошел перегонять машины к домику. Саркис разрешил припарковать их на жухлую траву газона, мол, все равно скоро сезон дождей.

– Если подсобишь составить список, очень поможешь. А

то у меня все руки в соляре и консервирующей смазке будут. – Я протянул Олесе толстую тетрадь и карандаши.

Перегнав по очереди машины к дому (нет, классные машины японцы делают!), я стал вытаскивать ящики из кузова на землю и сортировать.

Резцы сразу отложил, это для продажи здесь. Туда же ушли все фрезы, делительная головка, большая часть метчиков и лёрок. А вот коробки с твердосплавными пластинами я оставил. Этого здесь еще не делают.

Как раз когда я кончал сортировать, приехал небольшой грузовичок «исузу». Из него вышел крепкий седой мужик, прожаренный солнцем до костей. То есть такое создавалось впечатление, что у него и кости загорели.

– Ну привет. Меня зовут Арсеньич, я продаю и покупаю разное железо. Ты звонил? Я вижу, уже рассортировываешь? – Он поздоровался со мной, пожав запястье, вежливо поздоровался с Олесей.

И начал проверку каленого и заточенного железа. Мы с ним долго просматривали каждую фрезу, каждый резец, каждое полотно. Мужик торговался за каждую железку, отыскивая в своих проспектах местные аналоги. К моему неудовольствию, узнал, что в Демидовске начали довольно успешно выпускать инструменты из быстрорежущей стали, правда, только вольфрамистой, Р9 и Р18.

Впрочем, большинство позиций эти сорта стали перекрывают, чем здорово сбили местные цены. Но неплохо выру-

чили токарные резцы с твердым сплавом. Так что на этой небольшой спекуляции у меня получилось только отбить вложенные в Ташкенте деньги. Хотя и это было здорово.

Кроме того, оставалось еще два небольших, но очень увесистых ящика с твердосплавными напайками. Их я продавать не стал, хотя они и стоили весьма дорого. Нет пока завода твердых сплавов в Демидовске, тоже на завозных работают.

В общем, облегчил грузовик почти на тонну. И получил наличкой около семнадцати тысяч экю.

– Ну как, торгаш? – поинтересовалась Олеся, когда я отмывал руки под колонкой стиральным порошком. – Доволен?

– Да. Хотя и меньше вышло, чем я рассчитывал, но нормально. Нужно в банк положить на свой счет, но это потом. Сейчас в сейф положу при ресепшене. Поедем в оружейный? – Олеся согласно кивнула.

В это время ко мне подошли невысокий парень со светловолосой полной девушкой из соседнего домика, с любопытством наблюдавшие за моей возней с железом. Возле их домика стоял новенький УАЗ «буханка» с дюралевой лодкой на роспуске, набитой всякими вещами и закрытой брезентом.

– Привет, ребята. Меня Абдумалик зовут. Можете просто Маликом называть. Это моя жена, Светлана. Я вижу, ты тоже с железом связан?

– Да, я слесарь. А ты? – пожимая мозолистую руку парня,

спросил с интересом. – Добрый день, Светлана, очень приятно познакомиться.

– Я тоже. Слесарь-сборщик с Ульяновского авиастроительного. Надоело, если честно, ни работы нормальной, ни зарплаты. А недавно по цехам один дядек прошел, собирал народ на работу за границу, раздавал анкеты. Мы со Светкой заполнили и сюда вот попали. Ладно, попозже переговорим, хорошо? Сейчас в представительство идем, разузнаем, что и как. Вы пойдете?

Мы с Олесей переглянулись. Если честно, то пока еще никаких особых планов на будущее мы не имели.

– Может, попозже. Я сейчас хочу в оружейный проехать в промзоне, там тир есть. Да и патронов обменять надо. Наверное, завтра ходим. – Олеся согласно кивнула. – Если можно, захвати для нас проспекты и карты.

Я помог Малику отстегнуть от УАЗа отпуск с лодкой, и они уехали. А мы с Олесей на ее «тойоте» направились в сторону железной дороги и порта, где и находился этот оружейный магазин.

Основательно попетляв по улицам промзоны, наконец нашли то, что искали. Магазин значительно отличался от роскошного заведения Билла. В основном здесь продавали разнообразное подержанное оружие западного и восточного производства. Множество разных «калашниковых» с самой широкой географией производства – от России до Китая. Заправлял в магазине невысокий латиноамериканец с бород-

кой-эспаньолкой и неплохим знанием русского языка.

Он сразу согласился на предложение обменять бинокли на патроны, правда, дал всего по пятьдесят экю за бинокль. Впрочем, за китайские оптические подделки оптом – это нормально. Итак, две с небольшим тысячи патронов в прозрачных пластиковых упаковках по двести штук мы получили. А к ним – разрешение пристрелять автоматы в небольшом тире за магазином.

– Извините, Рауль, а у вас практические ВОГи есть? – поинтересовался я.

Приказчик вынул из стального ящика картонную коробку с практиками, отсчитал мне пять штук.

– Больше не могу, у меня на оставшиеся заказ. Можете и ими в тире стрелять, – заметил он. – Если вам нужны боевые, есть пара десятков российских, из трофеев. Новые еще не подвезли.

– Да уж, дожил. Покупаю гранаты как картошку, – заметил я уже в тире, доставая из сумки АКМС и АКС-74У. Маленький автомат отдал Олесе.

– Тугие какие, – заметила она, набивая рожки к автомату.

– Зато очень надежные. И автомат тоже надежный, очень. По точности до твоей винтовки недотягивает, но при близкой стрельбе не подводит. Слушай, нужно у этого Рауля спросить крепежи для оружия и поставить их в машины. Только вот как: ты согласишься в своей «тойоте» потолок портить? Мне-то в грузовике без проблем.

– Конечно, делай. Пока сюда ехали, я замучилась, то и дело винтовку на сиденье поправляла – того и гляди, упадет. Можно? – Олеся вставила рожок в автомат, с трудом сдвинула предохранитель и довольно умело передернула затвор.

А я зарядил практикой «Костер» и сделал первый выстрел в мишень в полусотне метров. Не дистанция для гранатомета, но хоть установку прицела проверю и среднюю точку попаданий определю.

Расстреляли по паре рожков из автоматов, пяток практических гранат из подствольника и два магазина из новой полуавтоматической винтовки и вышли из тира.

У Рауля нашлись крепежи для оружия из фигурных пружин, покрытых полиуретаном. Купив два комплекта в «той-оту» и три в «Егеря», взяв десяток ВОГов и подсумок на разгрузку для них, а также пяток рыжих бакелитовых магазинов для АКМС и подсумки для «калашниковских» магазинов, мы поехали в отель.

Купили две бутылки «вишневки», фруктов и соков в номер и на полтора часа, до семнадцати часов местного времени, выпали из общественной и политической жизни Новой Земли.

– Уф, все, хватит. Немного отдохнуть нужно и мне, и тебе. А то скоро придет покупатель, а ты весь в мыле и язык на плече. При этом на твоём личике крайне самодовольная улыбка. Что о нас люди подумают? – Олеся встала с кровати и пошла в душ. После надела маечку и джинсы, полезла в

сумку с одеждой.

– Они не думать, а завидовать будут, – глубокомысленно произнес я, поправляя кровать.

Олеся тем временем достала легкое платьице, недовольно на него поглядела и быстро убежала, сказав, что погладит и придет.

Без десяти восемнадцать мы сидели за столиком в ресторане и пили холодный апельсиновый сок. Вскоре на Главной улице за чахлыми деревцами остановился «хамви», из него вышел сержант и высокая шатенка в форме.

Сержант о чем-то переговорил с водителем и под ручку с девушкой пошел в ресторан.

Зайдя внутрь, поморщился, привыкая к полумраку, начал оглядываться. Я помахал ему рукой, и они подошли к нам.

– Привет, ребята, к вам можно? – Сержант с девушкой встали у столика.

– Да, конечно. Садитесь. – Я поприветствовал девушку и поздоровался с сержантом.

Ничего ручка, широкая и мозолистая. Правда, сам он как-то поменьше выглядит без бреника. Обычный высокий парень. Девушка у него миловидная, с голубыми глазами, чистым лицом, нежным подбородком и красивыми губами. Правда, тоже высокая, может, даже повыше меня. Но вместе они очень гармоничная пара.

– Мы не познакомились там, в саванне. Это Элис, а меня зовут Владимиром.

– Это моя невеста, Эйприл. Она считает себя шотландской, хотя сама из Америки, и по крайней мере три национальности в ней смешаны. Меня зовут Борис, можете звать Борей. Только ударение на первый слог не делайте, умоляю. Эти американцы насмотрелись глупых мультиков, и замучили. Еле-еле Эйприл отучил, – усмехнулся здоровяк, усаживая свою девушку. Потом уселся сам.

– Добрый вечер. Что будете? Вино, кофе, может, сок? – подошедший Саркис с уважением поздоровался с Борисом и его спутницей.

– Мне кофе, как обычно, – попросила Эйприл с едва заметным акцентом.

– Мне тоже. Черный, без сахара.

Саркис кивнул и отошел.

– Эйприл, вы что, все в Ордене русский учите? – поинтересовался я.

– Нет, что вы. Многие учат китайский, французский, польский. Чем больше языков знает агент Ордена, тем выше у него квалификация и соответственно заработок. – Девушка улыбнулась.

Какое-то время мы просто сидели за столом и говорили о местных реалиях. Я спросил Бориса о больших гиенах – уж очень меня этот зверь впечатлил.

– Знаешь, Володь, если тебе выпадет нелегкая столкнуться с этой зверюгой, то стреляй в колено или плечо. Она тяжелая, повреждение ноги моментально лишает ее подвиж-

ности и дает тебе время. А если ты выстрелишь ей в голову или грудь, то еще неизвестно, нанесешь ли достаточные повреждения. Шкура на груди очень толстая, лобная и челюстная кости массивные. Гиена ведь и рогача порой валит, и раны от него получает. Поэтому, я так думаю, у нее морда длинная, чтобы от рогов меньше доставалось. А так, тем более если вас двое-трое, обездвигили ее и ушли. Не стоит пытаться добивать, сам знаешь, если крысу в угол зажмешь, она кинется, а эта зверюга тем более. Но, если будешь добивать, обязательно бей за ухо, там кость тонкая и мозг рядом. И правила старые, известные – смотри на уши. Если прижаты, то гиена еще жива и может кинуться, если расслаблены, то, скорее всего, она мертвая. Ладно, ты свой трофей нам продашь?

– Борь, я цену даже для «Тойоты Ленд-Крузера» не знаю. Этот джип в том мире стоит минимум сто тысяч зеленых. А здесь сколько?

– Ну по идее не меньше. Но вот в чем дело... Если ты будешь продавать здесь, то больше десяти тысяч экю не получишь. Seriously. Тут ведь у нас проходной двор, многие переселенцы меняют машины. На этом живут торговцы, и живут неплохо. У них цеховая договоренность – не давать больше половины реальной стоимости за такие паркетники. Они из-за большой стоимости и сложности в ремонте особым спросом не пользуются, здесь что попроще и покрепче в ходу. Богатые люди или уже с машинами, или купят их у

тех же торговцев. Конечно, ты можешь сам выставить ее на продажу, вон попроси у Саркиса. Но опять же много не получишь. Да и времени это займет немало. Потому предлагаю так, я плачу тебе сразу восемь тысяч наличкой, а остальное в течение года перечисляю на твой счет. Но сначала давай прокатимся. Джип-то новый, но тест-драйв нужен. – Борис глянул на свою подругу, но она не обратила на него внимания, заболталась о чем-то с Олесей.

– Эйприл, ты машину хочешь? – удивленно спросил Боря.

– О да, да. Элис, поехали с нами.

Девушки встали и, болтая о чем-то, вышли из ресторанчика. Я попросил чернявенькую девушку записать все на мой счет и пошел за Борисом.

Эйприл уверенно подогнала под себя сиденье и руль, подождала, пока мы усядемся, и быстро выехала со двора. Было видно, что девушка прекрасно знает город. Она ни разу не задумалась на повороте, не колебалась при обгонах. Ехала с постоянной скоростью, порой обгоняла орденские машины. Покатав нас по Порто-Франко минут тридцать, затормозила возле какого-то ресторанчика.

– Как впечатления? – спросил Борис у невесты.

Та причмокнула.

Боря усмехнулся, повернулся ко мне:

– Ну как, партизан, согласен? Восемь тысяч сейчас и по тысяче в течение одиннадцати месяцев.

– Борь, это дело лучше в конторе обсуждать. Здесь где

договоры заключаются?

– В принципе достаточно купчей, заверенной несколькими свидетелями, или зайдём в отделение Банка Ордена. Нам все равно туда нужно – составить график платежей. Ну и свои две тысячи премиальных заберешь, документы мы еще вчера оформили. Согласен? – Я посмотрел на Олесю, но та пожалала плечами, мол, решай сам.

Хм... в принципе нормально. Правда, у Бориса работа больно нервная...

– Насчет выплат не переживай, в крайнем случае их произведет банк с моего счета, там с лихвой хватит денег. Просто я еще дом в Московском протекторате строю, в предгорьях, нужен денежный резерв. Ну как, согласен? – Видимо, Борис понял причину моих сомнений.

– Давай. Поехали в банк, оформим. Эйприл, с обновкой тебя. – Джип плавно тронулся с места.

Вскоре мы с жаркой и пыльной улицы зашли в прохладное большое помещение. Борис уверенно провел меня сначала к молодому уорент-офицеру, который оформил документы и отправил меня в другую контору. Там мне перевели на счет две тысячи экю и выдали зеленоватый чек с красной печатью о переводе.

– Так, теперь пошли в гражданскую кассу. – Борис повел меня вниз.

– Борь, я вот о чем подумал. Эти АйДи – вот если я потеряю или ее украдут, то все? Пропали мои сбережения? Как

я докажу, что я это я?

– За это не переживай. Когда ты счет в банке открывал, тебя камерой в трех ракурсах по несколько раз сняли и положили снимки в архив. Теперь если что, приходишь в отделение Ордена, любое, тебе восстанавливают документы, и можешь получать деньги. Все-таки не каменный век у нас.

– Ну если так, то намного спокойнее.

А после того как Борис перегнал мне на счет деньги, нас обоих ожидал сюрприз. Оказывается, пока мы занимались сделкой, девушки успели договориться об оформлении Олесею оконных проемов квартиры Бориса и Эйприл.

– Ребята, вы не скучайте, мы быстро. Я только размеры сниму и эскизы набросаю, и мы вас заберем, – заявила Олеся, садясь на переднее сиденье серебристой «тойоты» и проверяя наличие в сумочке маленькой трехметровой рулетки, портняжного метра, небольшого перекидного блокнота и коробочки карандашей «Кохинор».

– Ну дают. И твоя тоже бизнес-вумен. Пошли по пивку?

Борис повел меня в заведение с немецким уклоном. Здоровенные пивные бочки за стойкой, тяжеленная мебель. Только пьяных эльзасцев с кружками и песнями не хватало для полной достоверности.

Заказали шустрой девице с украинским акцентом жареную курицу и по сто пятьдесят грамм «Новомосковской». Вскоре официантка принесла запотевший графинчик с водкой, тарелки с нарезанным копченым салом, квашеной ка-

пустой и хлебом.

– Чего удивляешься? Самые настоящие немецкие закуски. – Борис пододвинул к себе тарелку с копченым салом, положил пару кусков на небольшой ломтик хлеба и с видимым удовольствием съел.

Пока ждали саму птичку, успели выпить по пятьдесят грамм хорошей водки и закусить хрустящей капусткой.

– Борь, а как ты в Патруле оказался? – поинтересовался я.

– Да перешел сюда для того, чтобы служить во Внутренних войсках в Москве. А там такое дело... В ВВ служат знакомые парни из подмосковного, омского и других отрядов, с которыми вместе был в командировках на Кавказе. А в РА служат парни, с которыми во время срочной Грозный брал. И хоть отношения между солдатами хорошие, но руководство может учудить войнушку. Меня сейчас словами не убедишь, что такое невозможно, после развала Союза и войны на Кавказе я считаю, что возможно все.

Ну я и пошел прямиком к Коршунову, так и так, мол, тащ генерал, нельзя служить там, где может появиться необходимость стрелять в боевых товарищей.

Генерал физию кислую сделал, но прямо при мне позвонил генералу Уоллесу, командующему Патрулем, и попросил того принять меня в ряды. Поручился, так сказать. – Борис снова взял кусок сала, закинул его в рот и с удовольствием проглотил.

– Что, вот так просто взял и позвонил? И тот послушал-

сы? – Мне немного тюкнуло в голову. Все-таки жарко, и сутки напряженные были. Во всех планах.

– А ты не подначивай. Тут всего три генерала с той стороны. Командующий Патрулем, Министр внутренних дел Москвы и командующий РА. У них, можно сказать, клуб настоящих генералов. Вот и выполняют различные мелкие просьбы. Хоть и не очень любят друг друга, но остальные генералы это звание уже здесь получили. А я с тех пор служу в Патруле. Пару месяцев на Мысу был, британцам помогал, это с той стороны Залива.

Я взял графинчик, налил еще по одной.

– Ну, за генералов!

Глухо звякнули небольшие рюмки, холодная водка пробежала по горлу, отозвалась в желудке теплом.

– Вот ваша курка, мальчики. Шо еще надо? – Оксана поставила на стол здоровенную жареную птицу. Горячая, потрясающе пахнувшая, до сих пор шкварчащая жиром.

– Нет, Оксана, спасибо. – Борис кромсал птичку разделочным ножом.

Я подхватил кус, бросил себе на тарелку, взгляделся.

– Руками ее, потом ополоснешь! – Борис, показывая пример, вгрызся в птичью ножку.

Некоторое время за столом слышался треск перемалываемых птичьих косточек и сосредоточенное чавканье. Намного проще обедать среди мужиков, не надо задумываться о правилах хорошего тона.

– Уф, неплохо, – вытирая руки салфеткой и разливая остатки водки по рюмкам, заметил я. – Борь, а такие неприятности, как со мной, здесь частенько бывают?

– Володь, то, что было с тобой, – это не неприятности. Хороший парень сумел отбиться от бандитов, остался жив и понес минимальные материальные потери – это отличная новость. Вот когда караваны пропадают на дороге, это неприятности. Или как четыре дня назад, когда новоприбывшие сербы из Косова с чеченами сцепились прямо здесь, в Порто-Франко, – это тоже неприятность.

– А что произошло? – заинтересовался я.

– Деваха красивая у сербов есть. К ней парочка чехов пристала, их ее братья отоварили. Чехи братьев на стрелку вызвали. Собрали всех мужиков из тейпа, даже пацанов взяли двенадцатилетних. Наверное, чтобы те кровь почувляли. И выехали в сторону указанной стрелки.

В общем, когда я с группой прибыл, все чеченцы мертвые были. Им сербы на дороге засаду устроили и добились всех. Классная засада, всех кончили. И детей тоже. Самое поганое в этом деле, что среди чеченцев две девки-снайперши были, они вообще пропали. В трофеях у сербов пара эсвэдех, которые никак ни к кому из дохлых чехов не присобачить, лишние они. В одной из машин нашли женскую сумочку, отыскали на дороге куски одежды, лифчик порванный рядом с дорогой. Пойми правильно, мне сами снайперши по фигу, грохнули их, и ладно. Да и с чеченами у меня счета длин-

ные. Но насильников я терпеть ненавижу, и то, что явно живых мальчишек достреливали, меня покорило. Впрочем, у косовских сербов счета с мусульманами еще длиннее моих. Только здесь насилие над женщиной карается каторгой. И все. Правда, прямых улик нет, только косвенные, и свидетелей тоже нет. Сербы все прикинулись шлангами, никто ничего не видел, да и родственник у них в Ордене оказался, все разрулил.

– И теперь куда сербы двинутся? В Россию?

– Ты что? На кой хрен они там сдались? Да они и сами в Евросоюз хотели, но там как о пропавших девках услышали, так от ворот поворот дали. А здесь, в Порто-Франко, и московский представитель, и офицеры из конвоя РА их послали именно из-за мальчишек и девок. В общем, им за Китаем землю дали. Неплохая земля, кстати. А самое интересное, что бабы из тейпа попросились в Москву. Они правильно сообразили: в Имамате тейп без мужиков – разменная монета. Девки поворачуют, затрахают и шахидками сделают. А малых пацанов кровники вырежут. В общем, Коршунов их принял, говорят, возле Бразилии землю выделил. Но он все-таки настоящий мент, сумел обстряпать это дело так, что теперь этим бабам нет хода за Московский протекторат или еще куда-то северней Залива. Грохнут их как предательниц. Так что будут они жить в России, да еще и мужей небось там найдут. У нас татар и башкир хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.